ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

LXVIII

1939

ПАРИЖЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. **М. Алдановъ.** — НАЧАЛО КОНЦА. 5
2. **В. Сиринъ.** — ПОСѢЩЕНІЕ МУЗЕЯ. 76
3. **Ю. Фельзенъ.** — КОМПОЗИЦІЯ. 88
4. **А. Головина.** — ДВА РАЗСКАЗА. 114
5. **О. Христіановичъ.** — СМУТНОЕ ВРЕМЯ. 125
6. СТИХОТВОРЕНІЯ: **Аллы Головиной, Вяч. Иванова, Д. Кнута, Ант. Ладинскаго, М. Б., Софіи Прегель, Анны Присмановой, Влад. Смоленскаго, Ю. Терапіано, Г. Струве, М. Струве, Лидіи Червинской и А. Штейгера.** 182
7. **К. Мочульскій.** — «ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ» У ДОСТОЕВСКАГО. 202
8. **А. Герценъ.** — ПИСЬМА КЪ ДОЧЕРИ. Комментаріи **В. Руднева.** 218
9. **И. Бунаковъ.** — ПУТИ РОССІИ. 261
10. **С. Булгаковъ.** — НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ РЕЛИГІОЗНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ Л. И. ШЕСТОВА. 305
11. **Е. Юрьевскій.** — О ТЕНДЕНЦІЯХЪ ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ. 324
12. **М. Вишнякъ.** — ЕВРОПЕЙСКІЙ ПРАВОПОРЯДОКЪ. 346
13. **Д. Одинецъ.** — ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНСКАГО СЕПАРАТИЗМА. 369
14. **Г. Федотовъ.** — СОЗДАНІЕ ЭЛИТЫ (Письма о культурѣ). . . 388
15. **О. Фельтгеймъ.** — КОНЕЦЪ ССЫЛКИ. 408
16. **Отъ редакціи.** — П. Н. МИЛЮКОВЪ. 433

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

17. **В. Вейдле.** — ЕЩЕ О «РУССКОЙ ДУШѢ». 434
18. **Н. Бердяевъ.** — ПО ПОВОДУ «ДНЕВНИКОВЪ» Б. ПОПЛАВСКАГО. 441
19. **Л. Сабанѣевъ.** — О МУСОРГСКОМЪ. 446
20. **Б. Николаевскій.** — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДѢЯТЕЛЕЙ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ. 453
21. **З. Гиппіусъ.** — О СЧАСТЛИВОСТИ (Г. И. Чулковъ). 462
22. **Д. Чижевскій.** — КН. НИКОЛАЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ. 464

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

VII *).

Царствованіе Николая I — вершина имперскаго самодержавія. То государственное зданіе, которое 200 лѣтъ, по восточнымъ образцамъ, строили московскіе цари и которое больше ста лѣтъ, по западнымъ образцамъ, украшали россійскіе императоры, теперь стояло готовымъ — величественное и суровое. Строить больше было нечего. Россійское государственное зданіе можно было только перестраивать заново — на иной основѣ и на иныхъ устояхъ. Но объ этомъ Николай I не думалъ.

Когда Николай I вступалъ на престолъ, имперскій порывъ къ обновленію уже былъ исчерпанъ. Страсть новить старое, которую россійскіе императоры переняли у Запада, и которой были охвачены и Петръ, и Екатерина, и Александръ въ первую половину его царствованія, въ Николаѣ силы не имѣла. Французская революція впервые показала императорской власти пропасти новизны. Mes amis du quatorze, какъ называлъ Николай подвизателей французской революціи въ Россіи—декабристовъ, убили въ немъ любовь къ новому окончательно. Теперь въ имперскомъ сознаніи утверждается иное направленіе: крѣпить старое. Въ мірѣ бушуетъ революція. Сдвинуты со своихъ основаній троны, алтари и очаги. Лишь Россійская Имперія на своихъ вѣковыхъ устояхъ стоитъ неколебимо. Лишь Россія являетъ собою, въ этомъ бушующемъ мірѣ, пріютъ покоя. Надо сохранить незыблемыми священныя основы старины. Надо оградить ихъ умственными плотинами противъ наступающихъ идей Запада. И надо беречь Россію отъ вредной и опасной новизны «Правило мудрыхъ, — писалъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи Карамзинъ, — что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надо прибѣгнуть только въ необ-

*) Совр. Зап. №№ 2, 4, 7, 9. 12, 14, 18, 22, 32, 48; 49, 50; 52, 54, 62.

ходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ... Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало... — но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ». Еще раньше, въ одномъ изъ «Писемъ русскаго путешественника» онъ писалъ: «легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо». Ученикъ Карамзина и главный идеологъ николаевскаго царствованія гр. Уваровъ выражался тверже и яснѣе: «мы... живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются... идутъ впередъ.. Но, Россія еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ, теперь... сихъ кровавыхъ тревогъ. Надо продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее... Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на пятьдесятъ лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру спокойно». — Наканунѣ вступленія на престолъ, 13 декабря 1825 года, Николай, въ бесѣдѣ съ Балугьянскимъ, сказалъ ему: что предполагаетъ взять въ образецъ своего правленія Петра Великаго. И, дѣйствительно, во всѣ дни его царствованія, образъ Петра Великаго предстоялъ передъ нимъ. Нельзя понять многихъ его поступковъ и чертъ характера, не видя этого. Онъ даже былъ увѣренъ, что своимъ правленіемъ «довершаетъ дѣло Петра». Но, на самомъ дѣлѣ, его царствованіе приняло «обратное направленіе». Онъ перенялъ у Петра его хозяйскую заботу о государствѣ, его безмѣрную властность, его служеніе до конца Россіи. Но петровской «доброй новизны», его стремленія «всю нашу великую Россію обновить, какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ», онъ не любилъ и боялся. По точному слову Пушкина, правленіе Николая — «контра-революція Революціи Петра».

Въ духѣ принятаго направленія — храненія устоевъ и береженія старины — Николай и велъ свое царствованіе. Всѣ царствованія въ Имперіи кончались недовольствомъ и разваломъ. Такъ было въ царствованія Петра и Екатерины. Такъ было и въ царствованіе Александра. Происходило ли это отъ того, что въ самодержавной Имперіи, гдѣ воля государя опредѣляла все, ослабленіе монаршей воли, съ теченіемъ царствованія, неуклонно влекло за собой и ослабленіе управленія. Или давленіе самодержавной воли, съ годами, приводило къ утомленію подданныхъ и жаждѣ перемѣны. Во всякомъ случаѣ, показанія современниковъ, въ этомъ отношеніи, неизмѣнно сходятся. Сходятся они и въ оцѣнкѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра.

Николай, еще до вступленія на престолъ, зналъ и о недовольствѣ, и о развалѣ. Допросъ декабристовъ далъ ему, относительно этого, болѣе точныя указанія. Верховное правительство въ эти годы разсыпалось, потеряло единство и представляло собою «нестройную громаду». Губерискоe управленіе было въ неимовѣрномъ запущеніи и являло собою картину «столько жалкую, сколько и скораго исправленія требующую» (гр. Кочубей). Законы противорѣчили другъ другу, и въ судахъ злоупотребленія усилились до безконечности. Крестьяне страдали отъ произвола помѣщиковъ. Умы были разшатаны, ибо, — по выраженію свода показаній декабристовъ (Боровкова), — «въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ само правительство, какъ млекомъ, питало юношество свободомысліемъ». «Управленіе въ Россіи, — писалъ Сперанскій, — представляло зданіе, въ коемъ части, бывъ всѣ между собой разнообразны, примыкаемы были по временамъ одно къ другому и такимъ образомъ составили сіе готическое произведеніе, гдѣ формы изящныя и безобразныя, бывъ смѣшаны безъ разбору, выставляютъ еще болѣе безобразіе цѣлаго». — Николай съ громадной энергіей и волей принялся за приведеніе въ порядокъ ввѣреннаго ему Богомъ государства. Дѣйствовать надо было быстро и рѣшительно, однако, не трогая основъ и не вводя поспѣшныхъ уновленій. «Для обозрѣнія настоящаго положенія всѣхъ частей управленія» Николай создалъ тайный комитетъ (6 дек. 1826 года). Во главѣ его были поставлены дѣятели александровскаго царствованія — гр. Кочубей и Сперанскій. Задачи Комитета Николай опредѣлилъ: въ изложеніи мнѣнія — что предполагалось раньше, что есть, что кончить оставалось бы; въ изложеніи мысли — что нынѣ хорошо, что оставить нельзя и чѣмъ замѣнить. Самъ комитетъ поставилъ цѣлью своихъ трудовъ: «не полное измѣненіе существующаго порядка управленія, но его усовершеніе посредствомъ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ и дополненій». Комитетъ работалъ болѣе пяти лѣтъ — съ 8 дек. 1826 г. до 9-го марта 1832. Пересмотрѣлъ проекты реформъ предыдущаго царствованія, существующія положенія государственныхъ установленій и состояній и намѣтилъ рядъ законодательныхъ предположеній для исправленія существенныхъ недостатковъ въ управленіи: о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, объ управленіи мѣстномъ и законъ о состояніяхъ. Вырабатывая свои предположенія, Комитетъ дѣйствовалъ съ чрезвычайной осторожностью, строго слѣдуя начертанному Государемъ направленію. Сперанскій, давшій блестящее выраженіе конституціоннымъ проектамъ Александра, далъ такое же точное выра-

женіе охранительнымъ предположеніямъ Николая. Намѣченныя предположенія сводились къ слѣдующему. Въ верховномъ управленіи: болѣе точное раздѣленіе властей и, съ этой цѣлью, болѣе точное раздѣленіе вѣдомствъ; Государственный Совѣтъ долженъ заниматься только законодательствомъ; Судебному Сенату предоставляются *права* верховнаго подъ державною властью судилища; Правительствующій Сенатъ наблюдаетъ за правильностью управленія и исполненія законовъ; Комитетъ Министровъ упраздняется. Въ мѣстномъ управленіи — обезпеченіе правомѣрнаго контроля черезъ общія присутствія правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Въ государственныхъ состояніяхъ: твердое опредѣленіе главныхъ сословій — дворянства, духовенства, гражданства и крестьянства — и отдѣленіе ихъ, одного отъ другого. Каждый вѣрноподанный можетъ пользоваться достаточными правами и преимуществами, не выходя изъ круга состоянія, предназначеннаго ему рожденіемъ и образомъ воспитанія. Съ этой цѣлью: дворянство ограждается отъ прилива людей низшихъ состояній — дворянское достоинство пріобрѣтается отнынѣ не чинами, но дѣйствіемъ монаршей милости. Среднее состояніе образуетъ особый разрядъ «именитыхъ гражданъ», доступъ въ который открываютъ чины и служба. Именитому гражданству даруются (за малыми исключеніями) всѣ права дворянства, кромѣ наименованія и крѣпостного права. И, наконецъ, для крѣпостного сословія намѣчены льготы и преимущества — запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли и мѣры къ постепенному сокращенію дворовыхъ людей. Таковы законодательныя предположенія, выработанныя Комитетомъ, въ цѣляхъ исправленія и усовершенія существующаго строя государственныхъ установленій и состояній. И, дѣйствительно, предложенные проекты существующаго строя нисколько не колебали — наоборотъ, они его укрѣпляли, внося мѣру и порядокъ въ «готическую» громаду имперскаго управленія. Но, тѣмъ не менѣе, работы Комитета пропали даромъ — онѣ показались ниспровергающими устои. Случилось это такъ. Когда Комитетъ закончилъ свои работы, Николай одобрилъ предложенныя имъ мѣры. Однако, изъ осторожности, внесъ на разсмотрѣніе Совѣта только законъ о состояніяхъ. Совѣтъ, повинуясь волѣ Императора, законъ принялъ, хотя и не безъ возраженій: министръ внутреннихъ дѣлъ Закревскій, въ присутствіи Государя, сказалъ: «невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ». Теперь оставалось законъ утвердить и обнародовать. Николай утвердилъ его, но, усугубляя осторож-

ность, до обнародованія послалъ на новое разсмотрѣніе вел. князю Константину. Константинъ отвѣтилъ двумя записками, въ которыхъ говорилъ: преобразованія должны сходится къ одной цѣли — укрѣпленію монархическаго образа правленія въ Россіи, коимъ она возвысилась, процвѣтаетъ и благоденствуетъ; для сохраненія самого существованія Имперіи, лучшее средство — сохраненіе древняго порядка въ раздѣленіи подданныхъ на состоянія; для сохраненія главныхъ состояній, сильнѣйшая есть ограда — древность ихъ. «Касательно существенныхъ перемѣнъ лучше казалось бы отдать ихъ еще на судъ времени». Въ частныхъ разговорахъ Константинъ выражался яснѣе: въ минуты гнѣва на работы Комитета онъ называлъ Николая якобинцемъ. Такъ же относился къ работамъ Комитета и вел. князь Михаилъ: въ законѣ о состояніяхъ онъ видѣлъ «готовые элементы революціи». Николай уступилъ — законъ о состояніяхъ не былъ опубликованъ. На рѣшеніе Государя подѣйствовали не столько возраженія братьевъ, сколько событія въ Европѣ — революціи во Франціи, Бельгіи и Польшѣ. Революціи — кошмары Николая. Всѣ дни его царствованія эти кошмары давили на его сознаніе. Отсюда его жизненная цѣль: бороться съ революціями — всюду, во всемъ мірѣ. И, прежде всего, оградить отъ революціи Россію. Послѣ первыхъ допросовъ декабристовъ Николай сказалъ Михаилу: «революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока Божьей милостью, я буду императоромъ». Позже онъ писалъ: «пока я живъ — революція меня не одолѣетъ». Въ чемъ главное средство борьбы съ революціей? — Не мѣнять стараго, не колебать устоевъ. «Существуетъ правило поведенія, — писалъ въ началѣ 1848 г. Николаю князь Меттерниху, — испытанное опытомъ цѣлыхъ вѣковъ...; это правило гласитъ: среди волненія страстей не слѣдуетъ думать о реформахъ; благоразуміе требуетъ, чтобы въ подобныя минуты было только соблюдено охраненіе». Николай зналъ это правило еще съ первыхъ дней своего царствованія. Въ жертву ему и присъ первыхъ дней своего царствованія. Въ жертву ему и привительной ясностью раскрываетъ разговоръ, происходившій по другому, но аналогичному поводу и записанный бар. Корфомъ. Въ 1844 году былъ образованъ Комитетъ объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей. На его засѣданіи Николай выразилъ пожеланіе, чтобы были приняты мѣры къ уменьшенію этого класса — «понудительныя» (затрудняющія переводъ крестьянъ во дворъ) и «облегчительныя» (способствующія отпуску на волю). Члены Комитета соглашались съ желательностью такихъ

мѣръ, но указывали на трудности: дворовые составляютъ часть крѣпостного состоянія — едва ли возможно тронуть часть, не поколебавъ цѣлаго; потому мѣры должны быть «не крутыми, постепенными и, такъ сказать, невидимыми, безъ всякой гласности и возбужденія неудовольствій и опасеній». Въ результатѣ обсужденій, Комитетъ пришелъ къ заключенію: мѣры понудительныя до времени отложить, а мѣры облегчительныя свести къ постановленію: о предоставленіи помѣщикамъ права отпускать дворовыхъ людей на волю по обоюднымъ договорамъ. Вотъ по этому поводу, въ сѣняхъ послѣ засѣданія, и произошелъ вышеупомянутый разговоръ: одинъ изъ членовъ Комитета повторялъ каждому — «слава Богу, что такъ устроилось: по крайней мѣрѣ не будетъ никакого крика и все сдѣлается помаленьку и постепенно». На это другой: «въ томъ то и бѣда наша; коснуться одной части считаютъ невозможнымъ, не потряся цѣлаго, а коснуться цѣлаго отказываются потому, что... опасно тронуть двадцать пять милліоновъ народу. Какъ же изъ этого выйти?» — «Очень просто, — возразилъ Корфъ, — не трогать ни части, ни цѣлаго: такъ мы, можетъ быть, долѣе проживемъ». — Не трогать ни части, ни цѣлаго, чтобы прожить долѣе — такова государственная программа царствованія Николая.

Высшее достиженіе этой программы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный значительный законодательный актъ николаевскаго царствованія — Сводъ Законовъ. Наканунѣ восшествія на престолъ, въ разговорѣ съ Балугьянскимъ, объявивъ ему, что онъ предполагаетъ взять за образецъ своего царствованія Петра Великаго, Николай, памятуя, очевидно, о принятомъ образцѣ, прибавилъ: «я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость закона». И, дѣйствительно, полагая, что законъ есть благоизъявленіе Монарха, и что Монархъ, какъ помазанникъ Божій и орудіе Промысла — выше закона, Николай, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ подчиненныхъ своихъ требовалъ, чтобы все управленіе въ государствѣ строго велось по предписаннымъ законами формамъ. «Держаться закона и никогда сего не забывать», — писалъ онъ въ одной изъ своихъ резолюцій. «Держаться закона», — Николай понималъ, что требовать это отъ подчиненныхъ можно только въ томъ случаѣ, если законъ добръ, твердъ и ясенъ. Но имперскіе законы прежнихъ царствованій, дѣланные для иныхъ нравовъ и иного времени, уже не отвѣчали народному умствованію въ его царствованіе, не приличествовали настоящему времени и были такъ запутаны, что разобраться въ нихъ не было возмож-

ности. «У насъ указъ на указъ, — сказано было по этому поводу въ сводѣ показаній декабристовъ. — Одно разрушаетъ, другое возобновляетъ; на каждый случай найдутся многія противорѣчущія узаконенія». «Арсеналъ ябеды», — писалъ о россійскомъ законодательствѣ декабристъ Фонъ-Визинъ. И такъ думали не одни орденскіе рыцари - декабристы, такъ думали и самые вѣрные имперскіе слуги. «То, что носитъ это имя (законодательство въ Россіи), — говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ князь Друцкой-Любецкой, — есть нестройная масса... отдѣльныхъ постановленій, не приведенныхъ ни въ какую систему... Въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ, такое состояніе почти равнозначуще отсутствію всякаго закона». И, наконецъ, самъ Императоръ (въ рѣчи, произнесенной 19-го января 1833 года): «я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ». Вотъ почему, вступивъ на престолъ, Николай тотчасъ же дѣло усовершенія законовъ взялъ въ свое непосредственное вѣдѣніе, учредилъ, съ этой цѣлью, въ собственной канцеляріи особое отдѣленіе (2-ое) и руководство имъ поручилъ самому большому дѣятелю Имперіи — Сперанскому (номинально Балугьянскому). Оставалось указать Отдѣленію направленіе работъ. Направленіе аналогичныхъ комиссій въ предыдущія царствованія было прямое и ясное. Россійское законодательство требовало не столько приведенія въ порядокъ, сколько у с о в е р ш е н і я и д о п о л н е н і я. Разумъ времени требовалъ н о в ы х ъ законовъ. Руководящіе умы эпохи полагали, что все старое въ законодательствѣ плохо и подлежитъ отмѣнѣ. «Желаете ли вы имѣть хорошіе законы? — писалъ Вольтеръ — сожгите старые и составьте новые». Вотъ почему, идя впереди своего времени, Петръ приказалъ составить Уложеніе, «переведя его съ шведскаго». Вотъ почему Екатерина, съ той же цѣлью, «обобрала президента Монтескье». Вотъ почему, предшественникъ Николая Александръ, сочиняя Уложеніе перомъ Сперанскаго (почитавшаго отечественные законы в а р в а р с к и м и), на самомъ дѣлѣ, — по утвержденію Карамзина, — далъ «переводъ Наполеонова Кодекса». Россійскіе императоры хотѣли дать своему народу н о в ы е законы и брали ихъ тамъ, откуда шла вся новизна — на Западѣ. Николай, принявъ въ свое вѣдѣніе дѣло усовершенія законовъ, пошелъ въ о б р а т н о м ъ направленіи. Предполагая поручить Сперанскому Второе Отдѣленіе, онъ потребовалъ отъ него Плана работъ. Сперанскій по-

мнилъ тяжкій опытъ прошлаго царствованія: всѣ его труды по составленію уложеній пропали даромъ. Члены Государственнаго Совѣта, тянувшіеся къ нему, въ годы его величія, «какъ подсолнечники къ солнцу», въ годы его немилости находили сочиненные имъ проекты уложеній, «ниспровергающими старый порядокъ», и отсылали ихъ обратно въ Комиссію законовъ. Сама Комиссія предпочитала теперь «держаться началъ прежняго законодательства», полагая, что «всякіе законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они освящены временемъ». Вотъ почему, составляя Планъ работъ для Втораго Отдѣленія, Сперанскій дѣйствовалъ съ сугубой осторожностью: надо было дать возможно больше старого и возможно меньше новаго и новое вводить съ возможно большей постепенностью. Планъ былъ составленъ такъ: 1) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи; 2) Сводъ Законовъ дѣйствующихъ; 3) Новое Уложеніе. Собраніе Законовъ — свидѣтельство того, какъ «законы наши образовались, возрастали, мѣнялись», и «основной первый камень русской кодификаціи», необходимый для составленія Свода; Сводъ — вторая ступень — излагаетъ законы существующіе, но безъ всякаго дополненія ихъ и усовершенія; дополнить недостающее, исправить несовершенное, дать каждому предмету законодательства надлежащую его полноту и пространство — третья ступень — дѣло Уложенія. Николай принялъ первую и вторую ступени Плана и отвергъ послѣднюю. Резолюція его гласила: «составить сводъ законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ». Въ своей рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ (19-го января 1833 года) онъ говорилъ: труды Комиссіи, учрежденной для составленія законовъ въ предыдущія царствованія, остались безплодными. Нетрудно открыть причину этому: «недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать, прежде всего, съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и, изъ предложенныхъ мнѣ путей, я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ». Такъ были созданы: «памятникъ того вѣка» — Полное Собраніе Законовъ — и памятникъ вѣка сего — николаевскаго — Сводъ Законовъ. Полное Собраніе Законовъ заключало въ себѣ законодательные

акты (30.000), изданные въ теченіе 176 лѣтъ, «безъ всякаго изъятія» и по порядку времени — отъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя до вступленія на престолъ Николая I — и составило 45 печатныхъ томовъ (отъ 100 до 180 листовъ въ каждомъ). Сводъ Законовъ заключалъ въ себѣ 42.000 статей, излагавшихъ законы, оставшіеся неизмѣненными и сохранившіе свою силу и дѣйствіе, и составило 15 томовъ. Всѣ труды законодательныхъ комиссій предыдущихъ царствованій, направленные на исправленіе и усовершеніе законовъ существующихъ и на созданіе новыхъ, пропали даромъ. На мѣсто ихъ произведена была, согласно выраженію Николая, «монументальная работа» по изданію старыхъ законовъ и по приведенію въ единообразіе законовъ дѣйствующихъ, но безъ всякаго ихъ измѣненія. Воля Николая — не созидать новыхъ законовъ, привести въ порядокъ старые — была свято соблюдена. Историки спорятъ: предполагалъ ли Николай подняться и на послѣднюю ступень въ лѣстницѣ кодификаціи — приступить къ составленію Уложенія. Но это споръ безплодный — Николай на эту ступень не поднялся и даже не сдѣлалъ шага въ направленіи къ ней. Такъ же безплоденъ споръ о томъ: были ли законы Свода, по формѣ, законами новыми или только новой формой законовъ старыхъ. Важно одно: въ россійскомъ законодательствѣ Сводъ, по существу, ничего не измѣнилъ. Творцы Свода приложили всѣ усилія къ тому, чтобы, при его составленіи, «подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые». Они даже тщились излагать его статьи словами старыхъ законовъ, буква въ буквy, полагая, что «въ законѣ не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность — драгоцѣннѣе». И что удивительно: вся эта фараонова работа по собиранію и приведенію въ единообразіе старыхъ россійскихъ законовъ совершалась въ тѣ годы, когда Европа содрагалась въ мукахъ рожденія новаго строя, и когда волны революціи подступали къ границамъ Россіи. Противъ надвигающейся грозы Николай зналъ только одно средство защиты: хранить старое, крѣпить устои. И что еще болѣе поражаетъ воображеніе: эту грандіозную работу крѣпленія стараго — въ Сводѣ законовъ ни одна строка во всѣхъ пятнадцати томахъ не осталась безъ личной провѣрки и, очень часто, передѣлокъ Сперанскаго — совершилъ тотъ самый государственный дѣятель, который, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, совершилъ такую же грандіозную, но, по направленію, обратную работу: перекроилъ наново по западнымъ образцамъ все русское законодательство и воздвигъ въ Россійскомъ Государ-

ствѣ лѣса для самой совершенной конституціи въ Европѣ. Только не надо, при этомъ, дѣлать ошибку: не надо въ этой перемѣнѣ видѣть актъ слабости, двоедушія или предательства и требовать отъ русскаго имперскаго дѣятеля добродѣтелей, приличествующихъ иному строю. Сперанскій былъ вѣрнымъ слугою Имперіи. Но въ Россійской Имперіи была только одна воля, которая опредѣляла все — воля Монарха. Когда Монархъ находилъ нужными уновленія — Сперанскій чертилъ планы и возводилъ лѣса уновленій. Когда Монархъ требовалъ охраненія — Сперанскій крѣпилъ устои. Дѣлалъ это съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковымъ талантомъ. И не совершалъ, при этомъ, никакой измѣны.

Была, однако, въ царственномъ дѣланіи Николая одна область, въ которой онъ искренно хотѣлъ не стараго, а новаго — крѣпостное право. Объясняется это такъ. Какъ его старшій братъ, Николай не любилъ дворянъ. Дворяне убили его отца. Дворяне подняли возстаніе въ день его возшествія на престолъ. Поставить дворянъ на мѣсто было въ его интересахъ. Кромѣ того, не все въ крѣпостныхъ отношеніяхъ между крестьянами и дворянами-помѣщиками укладывалось въ его государственное пониманіе. По пониманію Николая, міромъ управляетъ Богъ. А Россійскимъ Государствомъ Его помазанникъ — Государь. Всѣ люди на землѣ повинуются Богу. А въ Россійскомъ Государствѣ, всѣ подданные — Государю. Для удобства управленія россійскіе подданные разбиты на сословія. Крестьяне обрабатываютъ землю. Дворяне несутъ государственную службу. За службу и пролитую кровь земля отдана дворянамъ въ собственность. Потому поселенные на землѣ крестьяне обязаны своимъ помѣщикамъ повинностями. Но почему и крестьяне стали въ рукахъ помѣщиковъ частнымъ имуществомъ — вещью? Почему они изъяты изъ закона и управляются помѣщиками по ихъ произволу? Почему 25 милліоновъ россійскихъ подданныхъ — полгосударства — не подчинены непосредственно верховному начальнику — Государю? Крестьянское рабство въ государственное сознаніе Николая рѣшительно не укладывалось. — Соображенія иного порядка давили на его сознаніе еще принудительнѣе. Какъ указано выше, Николай боялся революцій. Оградить отъ нихъ Россію — цѣль его царствованія. Что питаетъ революціи? — Идейная зараза и недовольство подданныхъ. Противъ идейной заразы Николай возводилъ «плотины». Что надо сдѣлать, чтобы утишить народное недовольство? А, между тѣмъ, Николай зналъ, что недовольство въ его странѣ велико и, преимущественно, въ средѣ крѣпостныхъ кре-

стьянъ. Отчеты III-го Отдѣленія Собственной Его канцеляріи не оставляли въ этомъ сомнѣній. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1827 года было сказано: «крестьяне ждутъ своего освободителя, какъ евреи своего мессію». Въ отчетѣ 1834 года: «годъ отъ года распространяется и усиливается между помѣщичьими крестьянами мысль о вольности». То же въ отчетѣ 1839 года: «при каждомъ новомъ царствованіи, при каждомъ важномъ событіи... въ дѣлахъ государства, издревле и обыкновенно пробѣгаетъ въ народѣ вѣсть о предстоящей перемѣнѣ во внутреннемъ управленіи и возбуждается мысль о свободѣ крестьянъ; вслѣдствіе этого происходятъ... безпорядки, ропотъ, неудовольствія, которые угрожаютъ хотя отдаленною, но страшною опасностью. Крѣпостное состояніе есть пороховой погребъ подъ государствомъ». И такъ во всѣхъ отчетахъ, вплоть до конца царствованія. Можно ли было оградить Россію отъ революцій, строя государственное зданіе на пороховомъ погребѣ? Николай понималъ, что это невыполнимо. То же понимали его лучшіе слуги. «Чѣмъ больше я всматриваюсь, — писалъ въ 1852 году гр. Киселевъ кн. Воронцову, — тѣмъ болѣе страшусь возстанія крестьянъ, грозящаго спокойствію Россіи». «Вы сознаете, что мы стоимъ на вулканѣ, — отвѣчалъ кн. Воронцовъ гр. Киселеву, — Вы боитесь возстанія крестьянъ, которое грозитъ странѣ... Я раздѣляю этотъ страхъ». Вотъ почему, ведя борьбу на смерть съ революціями, Николай одновременно, всѣ дни своего царствованія, велъ неуклонно «процессъ противъ рабства». Онъ неоднократно говорилъ, что не хотѣлъ бы умереть, не освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Знаменитыя слова Александра II: «гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу», были сказаны впервые имъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, незадолго до кончины. Освобожденіе крестьянъ — «великое дѣло», «великое начинаніе» его царствованія, которое онъ хотѣлъ, если не довести до конца, то передать сыну «съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи». Только надо было это великое дѣло сдѣлать такъ, чтобы не разрушить Плана всего его правленія: не новить старины, не колебать устоевъ. Или болѣе точно: «великій переходъ» отъ рабства къ свободѣ надо было совершить такъ, чтобы онъ казался не движеніемъ впередъ, а назадъ — къ болѣе древнему порядку, чтобы существующій государственный строй ни въ чемъ не былъ бы нарушенъ, и чтобы обѣ заинтересованныя стороны — крестьяне и помѣщики — не замѣтили бы совершающагося. Потому, по пути къ великой цѣли освобожденія надо итти медленно, тихо, осторожно, размѣренно подымаясь со ступени на ступень, не

возбуждая въ народѣ опасныхъ толковъ и не произнося даже слово: свобода или вольность. Ибо «слово страшнѣе дѣла». «Виды и мысли мои насчетъ крѣпостного состоянія, — говорилъ Николай въ Комитетѣ 1847 года, — подвигать, не колебля, и открывать пути, не потрясая». И еще тамъ же на засѣданіи 9-го іюня: «онъ считаетъ долгомъ и обязанностью постепенно идти къ облегченію сего состоянія, потомъ къ его уменьшенію и, наконецъ, если Богъ поможетъ, къ совершенному даже когда-нибудь истребленію, но именно только постепенно, безъ всякихъ крутыхъ и потрясающихъ чьи-либо права мѣръ». — Александръ I, всѣ дни его царствованія, разрѣшалъ «политическую квадратуру круга»: сочеталъ самую совершенную конституцію въ мірѣ съ абсолютной властью Монарха. Николай I разрѣшалъ ту же квадратуру иначе: пытался вынуть изъ-подъ громады Россійской Имперіи ея крѣпостную основу, не сдвинувъ ни одного камня въ покоющемся на ней государственномъ зданіи, и хотѣлъ сдѣлать это незамѣтно для своего народа.

Въ духѣ намѣченнаго рѣшенія Николай и велъ дѣло крестьянскаго освобожденія. Николай — военный человѣкъ во всемъ. Міръ — плацдармъ, гдѣ разыгрываются битвы народовъ. Его собственный народъ — армія, разбитая на корпуса и полки. Самъ онъ — командиръ на посту. Такъ онъ понималъ и борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Освобожденіе крестьянъ — кампанія, которую надо выиграть. Готовясь къ ней, онъ поступилъ, какъ полагалось въ такихъ случаяхъ. Стратегическую разработку кампаніи поручилъ гр. Сперанскому. «Начальникомъ штаба по крестьянской части» назначилъ гр. Киселева. А себѣ взялъ, какъ обычно, роль главнокомандующаго. — Сперанскій планъ предстоящей кампаніи намѣтилъ такъ. Во времена Уложенія два рода людей были въ крѣпостномъ состояніи: крестьяне и дворовые. Крестьянъ можно было продавать, но не иначе, какъ съ землею. Власть надъ дворовыми-холопами, исключая право жизни и смерти, была почти неограничена. Сей порядокъ продолжался до 1719 года. Первая ревизія произвела въ немъ важныя измѣненія: крестьяне и дворовые холопы смѣшались воедино; тѣ и другіе стали принадлежностью не земли, а лица; подати стали тоже личными, служба обращена въ рекрутство. Всѣ сіи причины образовали новое крѣпостное право, отъ прежняго отличное. Сущность этого права въ слѣдующемъ: крестьяне равно какъ и земля, на коей они живутъ, принадлежитъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне суть его имущество движимое. Дворовые люди суть точно такое же движимое имущество помѣщика,

какъ и крестьяне. Отъ права продажи крестьянъ безъ земли, отъ права отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, лицо крестьянина содѣлалось вещью, коей владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а сей произволъ сколь часто бываетъ жестокъ и злоупотребителенъ — то доказываютъ дѣла и опытъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что новое право было введено не безъ причинъ: люди получили твердую осѣдлость, помѣщики — средства къ обширному хозяйству; правительство вѣрный доходъ и надежные способы къ содержанію войска. Однако, время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство менѣе необходимымъ. Сему естественному движенію правительство одно можетъ дать надлежащую благовременность и успѣшное направленіе. Два рода мѣръ къ сему предоставляются нужными, однѣ первоначальныя и основныя, другія постепенныя, на нѣсколько лѣтъ въ связи расположенныя. Мѣры первоначальныя должны состоять въ слѣдующемъ: надо раздѣлить состояніе крестьянъ и дворовыхъ людей; надо запретить брать въ дворовые изъ крестьянъ; надо запретить продавать крестьянъ безъ земли. Сіи мѣры произведутъ двѣ существенныя пользы: 1) Онѣ обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т. е. сдѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу; 2) состояніе дворовыхъ людей само собой и нечувствительно прекратится. Однако, эти мѣры — основныя въ борьбѣ съ рабствомъ — не разрѣшатъ всѣхъ трудностей. Единственное, рѣшительное къ сему средство есть опредѣленіе всѣхъ крестьянскихъ работъ и повинностей договорами. Но сіе важное преобразованіе не можетъ совершится иначе какъ мѣрами постепенными. Первой изъ нихъ должно быть устройство казенныхъ крестьянъ. Сей родъ людей бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣлительны. Преобразованіе ихъ быта можетъ послужить образцомъ для преобразованія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Вотъ почему ихъ права и обязанности должны быть пересмотрѣны, соображены и исправлены. Второю за сими мѣрою должно быть приведеніе въ то же положеніе крестьянъ помѣщичьихъ. Отношенія ихъ къ владѣльцамъ земли должны быть тѣ же, какъ крестьянъ казенныхъ къ казнѣ. Въ отдаленномъ послѣдствіи они получатъ право перехода отъ владѣльца къ владѣльцу. Между тѣмъ, есть мѣра средняя, которую за первыми основными принять можно. Это есть лучшій распорядокъ въ увольненіи крестьянъ — стѣсненія въ отпускѣ крестьянъ помѣщиками должны быть прекращены. Совокуп-

ность сихъ мѣръ приведетъ къ постепенному переходу крестьянъ изъ крѣпостного въ свободное состояніе. Гражданское рабство не было у насъ установлено сразу, но вводилось постепенно; такимъ же путемъ должна быть введена и свобода. — Таковъ планъ кампаніи въ борьбѣ съ рабствомъ, выработанный гр. Сперанскимъ. Въ немъ три этапа. Первый этапъ: возвращеніе крѣпостного права въ прежнее состояніе эпохи Уложенія. Второй этапъ: устроеніе казенныхъ крестьянъ. Третій этапъ: приведеніе въ то же положеніе крестьянъ помѣщичьихъ. — Когда Александръ I готовилъ Россіи самую совершенную конституцію въ мірѣ, а Сперанскій былъ его министромъ уновленій, онъ блистательно доказывалъ: что конституція должна предшествовать крестьянскому освобожденію. Гражданская свобода можетъ быть отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ — безъ свободы политической она безплодна. Въ 1818 году онъ писалъ: «кто мететъ лѣстницу снизу? Очистите часть административную. Потомъ введите установительные законы, т. е. свободу политическую и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской, т. е. свободѣ крестьянъ. Вотъ настоящій ходъ дѣла». Теперь на тронѣ сидѣлъ Николай I. Совершенный порядокъ — не впереди, а позади; чѣмъ древнѣе, тѣмъ совершеннѣе. И самъ Сперанскій готовился стать министромъ охраненія. Потому и планъ кампаніи противъ рабства былъ соображенъ по иному: не какъ движеніе впередъ, а назадъ: къ эпохѣ Уложенія и раньше — до Юрьева дня.

Соображенный Сперанскимъ Планъ войны съ рабствомъ осуществлялся такъ. Подготовительныя работы велись въ комитетахъ, составленныхъ изъ небольшого числа довѣренныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ Государя. Въ теченіе всего царствованія Николая, почти безпрерывно, одинъ за другимъ, а порою по нѣсколько одновременно, засѣдали девять «секретныхъ», «келейныхъ» и «особыхъ» комитетовъ, въ которыхъ обсуждались мѣры и намѣчались законопроекты, направленные къ облегченію крѣпостного состоянія. Всѣ работы велись въ строгой тайнѣ. О существованіи нѣкоторыхъ комитетовъ никто не зналъ, другіе, чтобы отклонить подозрѣнія и догадки, собирались подъ вымышленными названіями. По существу это былъ постоянный военный совѣтъ по борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ, тайны котораго не должны были дойти до противныхъ сторонъ, крестьянъ и помѣщиковъ — дабы не возбудить волненій и не вызвать противодѣйствія. Работы всѣхъ комитетовъ были объединены однимъ началомъ, указаннымъ Государемъ, и полагали своей цѣлью: «установленіе для крестьянъ вѣрнаго

и со всей осторожностью размѣреннаго перехода отъ одной степени на высшую и, такъ сказать, нечувствительнаго возведенія ихъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить могутъ». Не должно изъ полнаго рабства переводить людей необразованныхъ вдругъ къ полной свободѣ. Не должно освобождать сразу большое число крѣпостныхъ людей, дабы не потрясти спокойствія страны, не подкопать основанія существующихъ установленій, не раздуть пламени непокорности среди еще остающихся въ рабскомъ состояніи. Нужно: «приготовить рядъ постановленій и распоряженій, совокупно соображенныхъ, но отдѣльно изложенныхъ, хоя бы развивались постепенно и были приводимы въ дѣйствіе съ разстановкой, отнюдь не имѣя вида, особливо сначала, какой-либо перемѣны въ государственныхъ постановленіяхъ». Потому, опредѣливъ общее основное правило, должно уже пользоваться каждымъ представляющимся частнымъ случаемъ для успѣшнаго достиженія намѣченнаго. Съ этой цѣлью необходимо самыя мѣры законодательныя раздѣлить по частямъ и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы, отсѣкая одно затрудненіе за другимъ, сдѣлать переходъ къ лучшему порядку легкимъ и непримѣтнымъ. — Такова тактика въ войнѣ съ рабствомъ, указанная Николаемъ и разработанная его военноначальниками. Война должна была быть длительной и партизанской — безъ генеральныхъ сраженій. Вражеская крѣпость должна была быть взята тихой сапой, незамѣтными аппрошами, невидимой осадой. Территорія непріятеля должна была быть занята, пядь за пядью, и безъ кровопролитія.

Крестьянская кампанія развертывалась такъ. Первый этапъ кампаніи: возвращеніе крѣпостного права въ прежнее состояніе — запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли, мѣры къ сокращенію дворовыхъ людей. Этотъ этапъ былъ проигранъ безъ боя. Какъ указано выше, Комитетъ 6-го декабря нужныя мѣры одобрилъ. Вел. кн. Константинъ ихъ отвергъ — во имя сохраненія «древняго порядка». Напрасно Комитетъ возражалъ, что предложенныя мѣры къ «древнему порядку» возвращаютъ. Переубѣдить Константина было невозможно. Николай уступилъ. Впослѣдствіи, однородныя предположенія возобновлялись въ комитетахъ неоднократно. Но всегда съ тѣми же результатами. Члены комитетовъ понимали, что продажа крестьянъ безъ земли «постыдна», и что дворовые люди — «настоящіе рабы». Однако, всегда встрѣчали одно и то же возраженіе: «отъ несвоевременнаго посягательства на вѣковыя права, отношенія и привычки» величайшій вредъ послѣдуетъ

неминуемо. «Время ли принимать теперь мѣры столь важныя? — говорилъ гр. Чернышевъ въ Комитетѣ 1840 года. — Смѣло можно отвѣчать, что не время. Это опасно, если мѣры эти предпринимаемы будутъ отдѣльно; еще опаснѣе, если онѣ будутъ въ связи и такъ сказать предвѣстіемъ измѣненія отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Отъ мысли о свободѣ крестьянъ неминуемо перейдутъ къ разнымъ другимъ послѣдствіямъ, могущимъ поколебать въ основаніи все государственное зданіе... Намъ нужны не нововведенія, столь опасныя, а поддержаніе и усовершенствованіе стараго». Николай, столь рѣшительный въ другихъ дѣлахъ, отступалъ и ставилъ резолюціи: «оставить сіе дѣло до удобнаго времени». Удобное время, въ его царствованіе, никогда не наступило.

Второй этапъ—устроеніе крестьянъ казенныхъ. Этотъ этапъ былъ пройденъ блестяще и далъ полную побѣду. Только побѣда эта дала не тѣ результаты, которые ожидали. Произошло это такъ. Согласно Своду Законовъ, казенные крестьяне именовались «свободнымъ сельскимъ сословіемъ». И, дѣйствительно, они не были укрѣплены никакому частному лицу, не были «вещью, принадлежащей другому», какъ именовалъ Николай крестьянъ помѣщичьихъ. Но, на дѣлѣ, они принадлежали казнѣ — «состояли въ казенномъ вѣдомствѣ» — т. е. были тѣми же крѣпостными людьми, но только не помѣщичьими, а государственными. Такъ почитала ихъ сама казна, разсматривая, какъ одну изъ доходныхъ статей департамента «государственныхъ имуществъ». Такъ почитали они себя сами, именуя себя, въ отличіе отъ «барскихъ», «царскими». На вопросъ: «ты какой человѣкъ — вольный?» — писалъ въ запискѣ 1845 года мин. внутр. дѣлъ Перовскій, — многіе изъ нихъ отвѣчали: «нѣтъ, я казенный» или «мы государевы». Если прорваться сквозь великолѣпный канцелярскій языкъ первой половины XIX-го вѣка, выработанный Сперанскимъ, и пристально вглядѣться въ лицо казеннаго крестьянина, то подлинныя черты его выступаютъ съ ясностью: это тотъ же черный сирота Московскаго царства — человѣкъ «подлый» и «тяглый». Какъ московскіе черные люди, имперскіе казенные крестьяне сидятъ на государевой землѣ и тянутъ тяжкое государево тягло: платятъ подати, «казной на нихъ налагаемыя, какъ подушныя, такъ и оброчныя, за земли, ими населяемыя», ставятъ рекрутовъ, отправляютъ государевы и земскія повинности — подводную, постойную, подорожную и другія. Какъ московскія сироты, казенные крестьяне выбираютъ излюбленныхъ людей: головъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ; и выборная служба — та же тяжкая государственная повинность.

Потому люди порядочные и достаточные отъ выборовъ уклоняются или откупаются за деньги, а начальство велитъ крестьянамъ ставить выборныхъ по очереди или по жребію. Выборные люди, вмѣстѣ съ начальниками «выколачиваютъ» или «высѣкаютъ» изъ крестьянъ подати, а начальники «бьютъ и выборныхъ, и рядовыхъ крестьянъ нестерпимыми побоями». При взысканіи податей и недоимокъ, — разсказываетъ губ. предв. двор. Капнистъ о Полтавской губерніи въ періодъ отъ 1821 по 1838 годъ, — «движимость, скотъ... одежда и рубища поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга..., сами же поселяне подвергаемы жестокимъ тѣлеснымъ истязаніямъ». Какъ московскіе черные люди, имперскіе казенные крестьяне, для уплаты подушныхъ денегъ и другихъ государственныхъ сборовъ, связаны круговой порукой и платятъ подати за убылыя, умершія и малолочныя души. Недоимщиковъ сами крестьяне ставятъ на работы, сдаютъ въ рекруты безъ очереди и ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе. Какъ въ Московскомъ царствѣ воеводы, такъ и въ Имперіи: надъ казенными крестьянами и ихъ выборными людьми стоятъ земскіе исправники, которые распоряжаются въ уѣздахъ, какъ въ вотчинахъ. «Земскіе исправники, — писалъ въ Запискѣ о крѣпостномъ правѣ Сперанскій, — суть тѣ же помѣщики, съ тою токмо разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но, взамѣнъ того, сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочатъ». Небреженіе «трехлѣтнихъ помѣщиковъ», безнравственность всѣхъ установленныхъ властей, тяжкія подати и суровыя мѣры, примѣняемыя при ихъ взысканіи, грозятъ казеннымъ крестьянамъ «конечнымъ разореніемъ» (докладъ Киселева 6-го октября 1836 года). «Казенные крестьяне, — сообщаетъ отчетъ 3-го Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи за 1835 г., — почти повсѣмѣстно находятся въ самомъ худомъ положеніи.. Будучи жертвой своихъ головъ и алчной земской полиціи, они годъ отъ года бѣднѣютъ и разоряются». Когда Государю это нужно, казенныхъ крестьянъ, какъ государственное имущество, переводятъ въ Удѣльное Вѣдомство — въ крѣпостные Императорскаго Дома — или зачисляютъ въ военные поселяне. Таково положеніе казенныхъ крестьянъ, «свободнаго сельскаго сословія» то же, въ первую половину царствованія Николая до начала крестьянской «кампаніи». По существу, казенные крестьяне этой эпохи — какъ и всего императорскаго періода — тѣ же крѣпостные люди, какъ и крестьяне помѣщичьи. Россійское государство періода Имперіи — грандіозная деревня, подѣленная на частныя и казенныя

вотчины. Россійскіе Императоры — такіе же помѣщики, какъ и другіе дворяне, осуществляющіе тѣ же права имущественнаго свойства на принудительный трудъ укрѣпленнаго за ними населенія, какъ и другіе владѣльцы крѣпостныхъ деревень. «Только распорядокъ помѣщичьей экономіи превращается здѣсь (въ казенныхъ вотчинахъ) въ государственный регламентъ и попадаетъ въ Сводъ Законовъ» (Нольде). «Болѣе сорока милліоновъ душъ народа, — писалъ о крестьянахъ первой половины XIX-го вѣка адм. Мордвиновъ, — составляютъ рабовъ казны и дворянскому сословію въ собственность принадлежащихъ». «Я всегда видѣлъ своихъ соотечественниковъ... — писалъ Н. Тургеневъ, — въ крестьянахъ и всегда рабами». И, если, тѣмъ не менѣе, казенные крестьяне кажутся ихъ братьямъ — крестьянамъ помѣщичьимъ — людьми почти вольными, и, если помѣщичьи крестьяне желаютъ только одного — стать казенными, то это потому, что на той «горестной лѣствицѣ» крѣпостного состоянія, на которой расположены крестьяне всѣхъ званій этой эпохи, крестьяне казенные занимаютъ только первыя ступени, а крестьяне помѣщичьи — самыя крайнія, и что положеніе послѣднихъ еще нестерпимѣе. По существу же, крѣпостными людьми, такъ, какъ это понимали въ Европѣ, были именно крестьяне казенные, помѣщичьи же крестьяне — настоящіе рабы, такіе, какъ негры на американскихъ плантаціяхъ или невольники въ азіатскихъ деспотіяхъ.

Почему же Николай, ведя процессъ противъ рабства, началъ съ крестьянъ казенныхъ — менѣе угнетенныхъ? И почему Сперанскій такъ расположилъ свой Планъ кампаніи? — По слѣдующимъ соображеніямъ. Николай боялся противодѣйствія помѣщиковъ. Рабство надо было уничтожить для спокойствія государства — чтобы оградить Россію отъ революцій. Но революціи приходятъ не только тогда, когда возстаютъ рабы. Революція можетъ выйти и изъ недовольства дворянскаго сословія. Лишенное своего достоянія, оно будетъ искать себѣ вознагражденія, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія. «Наши революціонеры... произойдутъ не изъ низшаго класса, — говорилъ гр. Уваровъ проф. Погодину, — а (будутъ) въ красныхъ и голубыхъ лентахъ». Колебать дворянское сословіе можно было только съ величайшей осторожностью. Сперанскій прямо говорилъ въ Комитетѣ 1835 года, что по дѣлу о помѣщичьихъ крестьянахъ онъ не ожидаетъ успѣха. Устроеніе крестьянъ казенныхъ давало выходъ. Оно не могло вызвать упорнаго противодѣйствія. Непріятельская территорія могла быть занята почти безъ сопротивленія. Правда, она не включала ни

одной жизненной позиціи противника. Но для дальнѣйшаго маневрированія могла имѣть значеніе. Другое соображеніе было высказано Сперанскимъ въ его Планѣ и приведено выше: устроеніе казенныхъ крестьянъ должно послужить образцомъ для частныхъ владѣльцевъ. Согласно Плану, таковое устроеніе предполагало сохраненіе земли за казной, крѣпость казнѣ крестьянъ и обязательства ихъ мѣрной работой, опредѣленной закономъ. Почему помѣщики не послѣдуютъ за казной, въ сознаніи собственныхъ своихъ въ томъ выгодъ? Таковы соображенія, высказанныя Николаемъ и его помощниками объ устроеніи казенныхъ крестьянъ. — Но было соображеніе, невысказанное никѣмъ и, однако, по существу, опредѣлившее весь этотъ этапъ кампаніи. Почему помѣщики стояли за рабство? — Не только изъ корысти. Помѣщики были, вмѣстѣ съ тѣмъ, государевыми слугами — вѣрными защитниками Престола и Отечества. Соображенія ихъ были государственныя. Россійское Государство — самодержавная монархія. Монархія — основа Россіи. Безъ нея Россія не можетъ существовать въ настоящемъ своемъ величіи. Но для сохраненія монархіи помѣщичья власть необходима. Помѣщичья власть — орудіе и опора власти самодержавной. Помѣщики, по разуму законовъ Россійской Имперіи, суть ничто иное, какъ намѣстники своихъ государей, каждый во ввѣренной ему части, блюстители народонаселенія въ 25 милліоновъ душъ, хранители спокойствія и порядка на мѣстахъ. Въ великой Россійской Имперіи, они — «наслѣдственные полиціймейстеры», «генералъ-губернаторы», «малые монархи» въ малыхъ своихъ владѣніяхъ. Въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собой могутъ ли быть начала различныя? — блистательно формулировалъ эти воззрѣнія В. Н. Каразинъ. — «Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь. И, слѣдовательно, помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, почти столько же нужны, сколько Монархъ для подданныхъ». Еще рѣшительнѣе формулировалъ эту точку зрѣнія гр. Уваровъ: «вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Эти двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова». И дальше: «это дерево (крѣпостное право) пустило далеко корень: оно осѣняетъ и Церковь, и Престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно». Таковы доводы защитниковъ рабства. Что могъ отвѣтить на

нихъ Николай? Въ его распоряженіи было одно возраженіе н е о п р о в е р ж и м о е. Въ Россійской Имперіи, въ царствованіи Николая, насчитывалось 43 милліона крестьянъ — изъ нихъ 25 милліоновъ крѣпостныхъ и 18 милліоновъ казенныхъ Казенные крестьяне нѣ знали надъ собой власти помѣщиковъ — они самоуправлялись или управлялись чиновниками. А, между тѣмъ, ихъ благосостояніе было не ниже благосостоянія помѣщичьихъ крестьянъ, а бунтовъ въ ихъ средѣ меньше, чѣмъ среди послѣднихъ. Ясно, что тишина и порядокъ среди крестьянъ могли быть сохранены и при казенномъ управленіи. Правда, казенное управленіе было недостаточно и плохо: начальники вели себя беззаконно, крестьяне своевольничали, благосостояніе ихъ падало, недоимки росли. Но все это можно было исправить и, притомъ, не нарушая существующаго порядка — не вводя новыхъ узаконеній. Что надо было для этого сдѣлать? Взять управленіе подъ свое личное руководство; выдѣлить его въ особое вѣдомство; поставить во главѣ созданнаго Учрежденія преданнаго и энергичнаго начальника; предоставить въ его распоряженіе достаточное число усердныхъ и достойныхъ довѣрія чиновниковъ. Правильно устроенная администрація непремѣнно приведетъ къ намѣченной цѣли. Въ чемъ цѣль новаго Учрежденія? — Водворить среди поселянъ законъ и порядокъ; оградить ихъ отъ произвола и притѣсненій; вести ихъ къ благосостоянію путемъ нравственнаго образованія и непосредственнаго попечительства. Крестьяне наши — дѣти, не знающіе своихъ интересовъ. Они находятся еще въ періодѣ младенчества, требующаго со стороны правительства ближайшаго наблюденія и покровительства — отъ самыхъ высшихъ предметовъ благоустройства и до послѣднихъ потребностей ихъ гражданскаго быта. Сіе руководство нужно не только въ виду государственной пользы, коей должно ожидать отъ улучшенія благосостоянія важнѣйшей части населенія — оно необходимо и въ высшихъ политическихъ соображеніяхъ. Въ государствѣ, гдѣ правительство заботится о воспитаніи народа и неуклонно ведетъ его сообразно своимъ намѣреніямъ, тамъ чужаетъ онъ въ духѣ религіи, нравственности и покорности предустановленной власти. Новое опекунское управленіе на первыхъ порахъ, произведетъ на крестьянъ сильное впечатлѣніе и можетъ показаться тягостнымъ, но оно улучшитъ ихъ безправное положеніе, увеличитъ государственные доходы, охранитъ тишину и спокойствіе въ селеніяхъ. Водвореніе законности, попечительство, постоянное назиданіе, руководство 20 милл. сельскаго населенія, для упроченія ихъ благосостоянія — такова задача но-

ваго управленія. Самодержавная власть вовсе не нуждается для своего сохраненія во власти помѣщичьей. Самодержавная власть держится не на рабствѣ. Она держится на любви и преданности подданныхъ, на усердіи и доблести начальниковъ, на порядкѣ и дисциплинѣ въ администраціи. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне не впадутъ въ своевольство и анархію. Они вольются въ лоно государственнаго управленія и соединятся со своими братьями — государственными крестьянами, крѣпкими казнѣ и покорными власти. Таковъ отвѣтъ Николая защитникамъ рабства. Только отвѣтъ этотъ былъ не высказанъ, а показанъ. Въ этомъ и заключался разумъ новаго Учрежденія.

Въ духѣ намѣченнаго отвѣта Николай и велъ устроеніе казенныхъ крестьянъ. Въ 1836-году онъ взялъ это дѣло въ свое веденіе и создалъ съ этой цѣлью въ Собственной Своей Канцеляріи новое отдѣленіе — 5-ое. Во главѣ отдѣленія онъ поставилъ ген. Киселева. О Киселевѣ, такъ же, какъ и о Сперанскомъ, мнѣнія расходятся. Одни считаютъ его крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ, подготовившимъ крестьянское освобожденіе; другіе — «блестящимъ царедворцемъ». Правда посрединѣ. Киселевъ былъ умнымъ и талантливымъ администраторомъ, искренне желавшимъ смягчить рабство. Но, какъ всѣ дѣятели эпохи, онъ не былъ самостоятельнымъ человѣкомъ Будь онъ таковымъ, Николай и не взялъ бы его своимъ помощникомъ. Потому то Николай и приблизилъ его къ себѣ и неизмѣнно покрывалъ своимъ авторитетомъ, что онъ въ совершенствѣ усвоялъ себѣ мысли государя и въ точности исполнялъ Его волю. На письмѣ государю, гдѣ онъ излагалъ свои опасенія относительно новаго крестьянскаго управленія, Николай начерталъ: «приступить къ дѣлу и итти впередъ, не боясь людей и уповая на Бога и на Государя». Киселевъ и шелъ впередъ. твердымъ шагомъ, не оглядываясь по сторонамъ и полагая себя всецѣло въ руки своего властелина. Дѣло Киселева — дѣло Николая. — Осуществлялось оно такъ. Въ 1837 году — «для высшаго и общаго по всему государству вѣдомства дѣлъ. относящихся... къ попечительству надъ государственными крестьянами» — было учреждено министерство государственныхъ имуществъ. Въ 1838 и послѣдующихъ годахъ — палаты въ губерніяхъ и управленія уѣздныя, волостныя и сельскія. Волостныя управленія охватывали до 6.000 душъ м. п., съ селеніями, отстоявшими не далѣе 40 верстъ отъ волостного центра; сельскія — 1.500 душъ, съ селеніями, отстоявшими другъ отъ друга не далѣе 15 верстъ. Всего въ царствованіе Николая, бы-

ло учреждено 47 губернскихъ палатъ, 289 окружныхъ, 1.308 волостныхъ и 5.860 сельскихъ управленій. Такимъ образомъ былъ устраненъ главный недостатокъ прежняго управленія — малое число должностныхъ лицъ. Въ мѣстной администраціи Николай довершилъ дѣло Екатерины: губерніи и уѣзды были «достаточно снабдены, какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми». Новое крестьянское управленіе, какъ и старое, дѣлилось на коронное и выборное. Министерство, палаты и округа управлялись чиновниками. Волости и сельскія общества — должностными лицами изъ крестьянъ по выбору. Министерство и палаты руководятъ и наблюдаютъ. Окружные начальники «пекутся и отвѣтствуютъ». Волостныя и сельскія должностныя лица — покорное орудіе въ рукахъ окружныхъ начальниковъ — приводятъ крестьянъ въ должное послушаніе. Окружные начальники — пріемники земскихъ исправниковъ и предтечи земскихъ начальниковъ — являются главными фигурами непосредственнаго управленія: они — отцы и опекуны крестьянъ. Волостныя и сельскія власти — все тѣ же старые излюбленные люди, несущіе тяжкую должностную повинность. Іерархическая подчиненность въ управленіи послѣдовательно проведена сверху и до самаго низу. Весь составъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ «спаянъ желѣзной дисциплиной» (К. Зайцевъ). Правительственная энергія, вырабатываемая въ центрѣ, безпрепятственно разливается по всей Россіи. На казенное крестьянство накинута крѣпкая административная сѣть. Планъ административнаго зданія, своей стройностью и логичностью, выдаетъ вѣроятнаго вдохновителя — Сперанскаго.

Правильное устроеніе администраціи и умноженіе должностныхъ лицъ дѣлаютъ возможнымъ разрѣшеніе главной задачи новаго управленія — попечительства. Для руководства и назиданія крестьянъ были изданы Сельскій Полицейскій и Сельскій Судебный Уставы, которые вмѣстѣ съ Учрежденіемъ объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ, заключали въ себѣ до 4.000 статей. Цѣль Сельскаго Полицейскаго Устава — поставить государственныхъ крестьянъ въ извѣстность о главнѣйшихъ обязанностяхъ ихъ въ отношеніи вѣры, правительства и гражданскаго общества, пріучить черезъ то народъ къ порядку и укоренить среди сельскаго населенія общее благочиніе и благоустройство. Уставъ долженствовалъ служить для крестьянъ «катехизисомъ правилъ, съ которыми они обязаны были сообразовать свои дѣйствія въ отношеніи къ властямъ и къ близкимъ» (отчетъ за 25 л. м. г. и.). Статьи запретительныя были изложены въ видѣ заповѣдей. При обсуж-

ленiи Устава въ Государственномъ Совѣтѣ, одинъ изъ его членовъ адм. Грейгъ предложилъ: вмѣсто того, чтобы излагать запретительныя статьи законовъ въ видѣ заповѣдей, «истолковать въ пространномъ видѣ самыя Заповѣди Господни». Но Киселевъ нашелъ это неудобнымъ: правила внѣшняго благочинiя и общественнаго благоустройства «неприлично соединять съ божественнымъ ученiемъ». Согласно Учрежденiю объ управленiи госуд. имущ. въ губернiяхъ, волостное начальство «обращаетъ вниманiе на всѣ предметы сельскаго устройства»; оно «прилагаетъ всемѣрное попеченiе о водворенiи добрыхъ нравовъ въ государственныхъ крестьянахъ», направляя ихъ къ благочестивой, безпорочной и трудолюбивой жизни и отвращая отъ лѣности, пьянства и безпутнаго поведенiя. Сельское начальство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы подвѣдомственное ему населенiе строго выполняло предписанныя закономъ правила: чтобы крестьяне ежегодно исповѣдывались и причащались Св. Тайнъ, чтобы младшiе почитали старшихъ, чтобы работники повиновались своимъ хозяевамъ, а дѣти своимъ родителямъ, чтобы земельные участки не оставались въ запустѣнiи, но обрабатывались тщательно и многiя другiя. Вся жизнь въ казенныхъ селенiяхъ — согласно Уставамъ и Учрежденiю — регламентирована до мелочей и построена на неотступномъ попеченiи начальниковъ и на безотвѣтномъ послушанiи крестьянъ. Система управленiя государственными крестьянами гр. Киселева мало чѣмъ отличается отъ системы управленiя военными поселянами гр. Аракчеева.

Достаточное управленiе и непосредственное попечительство имѣютъ цѣлью не только нравственное воспитанiе казенныхъ крестьянъ, но и упроченiе ихъ благосостоянiя. За 18 лѣтъ управленiя гр. Киселевымъ министерствомъ г. и., въ этомъ направленiи было сдѣлано многое: была проведена податная реформа, и подати — для достиженiя черезъ то уравнительности въ обложенiи — во многихъ губернiяхъ переложены съ душъ на землю; была упорядочена, въ смыслѣ облегченiя отбыванiя ея, самая тяжелая крестьянская повинность — рекрутская; были созданы сберегательныя кассы и запасные хлѣбные магазины; были приняты мѣры противъ пожаровъ путемъ возведенiя огнестойкихъ зданiй; были организованы оспопрививанiе и медицинская помощь; было построено въ селенiяхъ много церквей и школъ, а количество кабаковъ сокращено; и рядъ другихъ мѣръ. Но главная мѣра, направленная на упроченiе хозяйственнаго быта казенныхъ крестьянъ — земельная. Киселевъ, такъ же, какъ и Николай, зналъ, что земля — единственный

способъ пропитанія для большей части сельскаго населенія и, въ силу этого, — основа крестьянскаго и государственнаго благополучія. А потому шелъ, не оглядываясь и исполняя въ этомъ прямую волю Николая, въ направленіи къ ея правильному среди крестьянъ распредѣленію. Согласно пониманію Киселева, совпадавшему съ общеимперскимъ, но болѣе ясно имъ осознанному и доведенному до конца, земли, предоставленныя въ пользованіе казенныхъ крестьянъ, такъ же, какъ и земли, которыя находятся въ непосредственномъ распоряженіи казны, составляютъ государственное имущество и принадлежатъ казнѣ на правахъ собственности. Разница между ними только въ томъ, что однѣ обложены податьми и состоятъ въ управленіи крестьянскихъ обществъ, а другія не обрабатываются вовсе или сдаются съ торговъ и состоятъ въ управленіи казенномъ. Потому первыя называются податными и общественными, а вторыя запасными и казенными. Однако, какъ тѣ, такъ и другія являются не только источникомъ государственныхъ доходовъ, но и средствомъ къ обезпеченію благосостоянія государственныхъ крестьянъ. Крестьяне, сидящіе на общественныхъ земляхъ — государственные тяглецы, обязанные казнѣ платежами и повинностями. Для того, чтобы они могли платить подати и питаться, казна должна заботиться объ обезпеченіи ихъ землею въ достаточномъ количествѣ. А, такъ какъ подати исчисляются съ крестьянъ уравнительно по душамъ, и питаться должна каждая душа, то казна должна обращать вниманіе на то, чтобы и земля была распредѣлена между ними, по возможности, уравнительно же. Потому, единственно правильная для государства земельная политика въ отношеніи казенныхъ крестьянъ — надѣленіе и уравненіе. Казенные крестьяне должны быть снабжены землею по установленной государственными учрежденіями пропорціи — отъ 8 и до 15 дес. на душу. Тамъ, гдѣ у крестьянскихъ обществъ, на имѣющееся число душъ, до установленной пропорціи, земли не хватаетъ, тамъ казна должна надѣлить эти общества изъ сосѣднихъ запасныхъ участковъ или переселить крестьянъ на свободныя земли въ другія губерніи. Тамъ, гдѣ у обществъ количество земли пропорцію превышаетъ, тамъ казна въ правѣ излишекъ отрѣзать и обратить въ надѣленіе другихъ обществъ. Въ предѣлахъ обществъ сами сочлены его раздѣляютъ землю между собою въ той пропорціи, въ которой они несутъ подати и повинности. Киселевъ, такъ же, какъ и Сперанскій, полагалъ, что личное и наслѣдственное пользованіе землей, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, болѣе выгодно, чѣмъ общественное и уравнительное. Но онъ по-

нималъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ чисто хозяйственными соображеніями. «Душевой раздѣлъ земель, — писалъ онъ въ докладѣ государю въ 1849 году, — столь вредный для всякаго коренного улучшенія въ хозяйствѣ, имѣетъ свою выгоду въ отношеніи устраненія пролетаріевъ и потому *составляетъ* вопросъ, *котораго рѣшеніе* выходитъ изъ предѣловъ чисто экономическихъ». «Право каждому изъ крестьянъ имѣть кусокъ земли въ своемъ селеніи есть, въ политическомъ отношеніи, дѣло весьма важное и предпочтительно быстрому улучшенію хлѣбопашества», — писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Общественный порядокъ пользованія землей существуетъ въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ — *онъ* основанъ на коренныхъ обычаяхъ народа и тѣсно соединенъ со всѣмъ его бытомъ. Имъ упрочивается самый составъ внутренняго сельскаго управленія и утверждается административная сила правительства надъ милліонами людей. Имъ достигается правильная раскладка податей и круговая порука крестьянъ въ ихъ уплатѣ. Но *главное преимущество общественнаго порядка* землепользованія — въ правильномъ распредѣленіи среди крестьянъ земли. Сущность этого порядка состоитъ въ правѣ каждаго крестьянина на земельный участокъ, равный съ участками всѣхъ прочихъ односельцевъ. Вытекающій изъ этого права раздѣлъ земли по числу душъ или работниковъ сохраняетъ равенство среди сочленовъ общества и образуетъ изъ него какъ бы одно большое семейство. «Всякое другое раздѣленіе земель составитъ многочисленный и невыгодный классъ бобылей и батраковъ; если, какъ сіе видимъ въ другихъ странахъ, богатство будетъ удѣломъ нѣкоторыхъ, то нищета постигнетъ всѣхъ прочихъ». Состояніе послѣднихъ будетъ столько же несносно для нихъ, сколько и опасно для государственнаго спокойствія. Потому, общественное землепользованіе, несмотря на его недостатки, должно быть сохранено до лучшихъ временъ. Обезпеченіе всѣхъ казенныхъ крестьянъ землей по установленной пропорціи на каждую душу; надѣленіе съ этой цѣлью малоземельныхъ обществъ и отрѣзъ излишковъ у многоземельныхъ; переселеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда свободныхъ участковъ на мѣстѣ не хватаетъ; и уравнительное распредѣленіе земли въ предѣлахъ самихъ обществъ — такова земельная программа гр. Киселева. — Въ духѣ намѣченной программы Киселевъ и велъ свою политику земельнаго устроенія казенныхъ крестьянъ. По существу, въ этой политикѣ не было ничего новаго. Имперская администрація, всѣ годы своего существованія, неизмѣнно снабжала казенныхъ крестьянъ землей по пропорціи, а, если земли не

хватало, дѣлило ее между крестьянами уравнительно «для общаго и прочнаго спокойствія и доставленія каждому достаточнаго пропитанія». Въ своей землеустроительной дѣятельности она неуклонно держалась правила: «чтобы всякій изъ поселянъ казенныхъ, будучи одинаковой повинностью обязанъ, одинакія же, со стороны земельнаго пространства и почвы, имѣлъ и выгоды». Только проводила это правило въ жизнь случайно и безъ плана. Когда Киселевъ вступилъ въ управленіе мин. г. и., онъ нашелъ, въ этомъ отношеніи, большіе безпорядки. Были общества казенныхъ крестьянъ, въ которыхъ на душу приходилось по полдесятины и меньше, и другія съ душевымъ надѣломъ въ 20 дес. и больше. Только въ 7 губерніяхъ надѣлы достигали установленной пропорціи. До 600 т. душъ совсѣмъ не имѣли надѣловъ. Въ предѣлахъ обществъ міроѣды обдѣляли въ свою пользу бѣдняковъ, и земля распредѣлялась неуравнительно. Многія общества были недостаточно снабжены лѣсными угодьями. Киселевъ съ большой энергіей взялся за устраненіе всѣхъ этихъ безпорядковъ. Новая административная машина работала безукоризненно. Какъ и въ другихъ областяхъ, въ области земельнаго устроенія, за годы киселевскаго управленія, было сдѣлано многое. Были сняты на планы и обмежованы десятки милліоновъ десятинъ крестьянской земли. Было отведено малоземельнымъ обществамъ 2½ милл. дес. и дано для поселенія безземельныхъ крестьянъ ½ милл. десятинъ. Было переселено въ другія губерніи (Воронеж., Харьков., Тамб., Самар., Оренбур., Астрахан. и Зап. Сиб.) 170 тыс. душъ м. п., которымъ отведено 2½ милл. дес., по разсчету отъ 8 и до 15 дес. на душу. Было нарѣзано сельскимъ обществамъ 2.200 тыс. десятинъ лѣса. Всѣ эти мѣры подняли земельное обезпеченіе казенныхъ крестьянъ и способствовали уравненію ихъ надѣловъ. Но главная мѣра земельнаго уравненія — внутриселенная. Согласно закону, распредѣленіе земель внутри селеній производится мірскимъ сходомъ. Окружные начальники въ земельныя дѣла сельскихъ обществъ не вмѣшиваются. Но такъ было на бумагѣ. На дѣлѣ, окружные начальники воздѣйствовли на крестьянъ въ смыслѣ внутриселеннаго поравненія. Удивительна въ этомъ отношеніи исторія перехода на уравнительный раздѣлъ земли однодворцевъ южныхъ губерній (Воронеж., Курск., Тамбовск., Рязан., Орлов. и Тульской). Однодворцы — бывшіе помѣщики, живущіе «однимъ дворомъ» — безъ крѣпостныхъ: «пашутъ сами». Въ 18 вѣкѣ они, по своему положенію, были записаны въ подушныя сказки, обложены оброчной податью и причислены къ государственнымъ крестьянамъ. Земли имъ бы-

ли отведены, какъ прочимъ крестьянамъ, въ одной дачѣ на цѣлое селеніе. Но внутри селеній они дѣлили между собой земли не уравнительно по душамъ, а по *долямъ*, унаслѣдованнымъ ими отъ предковъ — «по фамиліямъ, дѣдамъ и родословной». Отсюда разница въ земельномъ обезпеченіи однодворческихъ семей. Были семьи съ малымъ числомъ душъ и «широкими дачами». И другія многодушныя и малоземельныя или совсѣмъ «вышедшія изъ земли». Между широкодачниками — «кулаками», «міроѣдами» — и маломощными — бѣдняками — уже давно шла борьба за поравненіе земли по душамъ. И въ нѣкоторыхъ обществахъ *такое поравненіе произошло еще* въ 18 и началѣ 19 вѣка. Но въ общемъ переходъ на души происходилъ медленно и туго. Киселевъ повелъ дѣло рѣшительно. Былъ изданъ циркуляръ, разрѣшавшій однодворцамъ раздѣлять свои надѣльныя земли на ревизскія души по общественному приговору. Циркуляръ вызвалъ среди однодворческой бѣдноты большое возбужденіе: «само начальство требуетъ — давай равнять». На мірскихъ сходахъ происходили драки и даже смертоубійства «священники въ облаченіи со крестомъ *выходили* на поле усмирять бушевавшихъ». Широкодачники, для спасенія своихъ надѣловъ, прибѣгали къ «денежной молитвѣ», приносимой окружнымъ начальникамъ. Суджанскій окружной получилъ гуся, начиненнаго золотыми и серебряными монетами. Но и окружные не могли многаго сдѣлать противъ палатъ и министерства. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, по приказу свыше, они разъѣзжали по селеніямъ въ сопровожденіи волостныхъ головъ и предлагали однодворцамъ передѣлить ихъ участки уравнительно на души. Результаты неравной борьбы сказались скоро: къ концу киселевскаго управленія министерствомъ, большинство однодворцевъ — прямыхъ потомковъ московскихъ дворянъ — помѣщиковъ — перешли къ подушной разверсткѣ. Бѣдняки одолѣли кулаковъ и подѣлили ихъ земли «поровенно». И этому не надо удивляться. Киселевъ, въ своей земельной политикѣ, только продолжилъ вѣковую традицію россійскихъ Императоровъ и московскихъ Царей. Въ борьбѣ за землю между бѣднотой и богатѣями, и тѣ, и другіе всегда стояли за бѣдноту. Московскіе Цари, и россійскіе Императоры — у р а в н и т е л и. И въ дѣлѣ устроенія государственныхъ крестьянъ ихъ идеалъ — земельное равенство. А средство: періодическій отрѣзъ у богатыхъ и надѣлъ бѣднымъ — уравнительно передѣльная община. То же и Киселевъ. Если правильно охватить всю его земельную политику и состояніе государственнаго землевладѣнія въ эту эпоху, то картина получится слѣдующая. Николай — помѣ-

щикъ, съ необъятными земельными владѣніями и милліонами крѣпостныхъ душъ: 87 милл. дес. пахотной земли и 119 милл. дес. лѣса (гос. имущ. въ Европ. Россіи), на которыхъ сидятъ 15 милл. крѣпостныхъ крестьянъ, платящихъ оброкъ и несущихъ повинности. Гр. Киселевъ — его главный управляющій; мин. г. и. — вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры на мѣстахъ (Благовѣщенскій). Какъ добрый хозяинъ, Николай заботится о томъ, чтобъ его крестьяне, для пропитанія и уплаты оброка, были достаточно обезпечены землей. Для этого онъ нарѣзаетъ маломощнымъ участки изъ нераспаханныхъ земельныхъ запасовъ, переселяетъ въ другія имѣнія, а, когда надо, беретъ у тѣхъ, у кого много, и даетъ тѣмъ, у кого мало — какъ дѣлаютъ другіе помѣщики. Его крестьяне — его и земли. Въ основѣ, все государственное земельное владѣніе — единая помѣщичья община съ уравнительно передѣльной разверсткой земли. Крѣпостной соціализмъ — прототипъ совѣтской земельной системы. Разница только въ томъ, что въ совѣтскую систему втянуты и бывшія помѣщичьи земли. Но, по существу, этого хотѣлъ и Николай I.

Результаты управленія Киселевымъ мин. г. и. были блестящи. Правильное устроеніе администраціи, неустанное попечительство, нравственное воспитаніе крестьянъ, заботы объ ихъ хозяйственномъ благополучіи и земельное надѣленіе принесли пользу. Отчеты Киселева свидѣтельствуютъ, что благосостояніе казенныхъ крестьянъ, за время его управленія, поднялось. Во всякомъ случаѣ, они указываютъ на то, что доходы по министерству за это время увеличились, а недоимки съ крестьянъ уменьшились. Въ Обозрѣніи того, что было сдѣлано по управленію казенными крестьянами за 18 лѣтъ, онъ съ гордостью писалъ: устройство внутренняго порядка утверждено, злоупотребленія и поборы устранены, поселяне ограждены отъ притѣсненій, малоземельные получили надѣлы, запасы продовольствія учреждены, крестьянское населеніе преумножено. И это было, въ значительной мѣрѣ, вѣрно. Только не надо изъ этого дѣлать тѣ выводы, которые дѣлаютъ нѣкоторые ученые: что управленіе Киселева — новая эра въ исторіи государственныхъ крестьянъ. На самомъ дѣлѣ, ничего новаго въ управленіи Киселева не было. Въ своей основѣ, это было старое имперское управленіе, только проводимое умно, толково и хозяйственно. Точнѣе говоря: московскій крѣпостной уставъ, облеченный въ стройныя административныя формы Запада. По существу же ничего не измѣнилось. По старому, государственные крестьяне — «рабы казны», назначеніе которыхъ въ жизни — безмолвное

исправленіе повинностей и безропотное послушаніе. По старому, крестьянское «самоуправленіе» — тяжкое государево тягло. По старому, выборныя должностныя лица «выколачиваютъ» изъ крестьянъ подати, а начальники сѣкутъ и крестьянъ, и выборныхъ безъ пощады. По старому, въ уплатѣ податей, крестьяне связаны круговой порукой и платятъ не только за себя, но и за «души умершія, за вдовъ безпомощныхъ и за безпріютныхъ старцевъ». По старому, недоимщиковъ сами крестьяне ставятъ на работу, сдаютъ въ рекруты и ссылаютъ на поселеніе. И по старому, надъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ царятъ окружные начальники, которые правятъ имъ, какъ помѣщики, и держатъ въ зависимости неограниченной. Все по старому. Только, на мѣсто московской и прежней имперской безтолочи и произвола, — порядокъ, «законность» и неотступная опека. Николай — властный, но справедливый хозяинъ. Киселевъ — строгій, но попечительный управляющій. По существу же, черныя сироты Ивана Грознаго, государевы тяглецы Петра Великаго и казенные крестьяне Николая I — даже при управленіи Киселева — родные братья. И всѣ они удивительно напоминаютъ царскихъ крестьянъ Египта временъ фараоновъ. — Да Киселевъ и самъ понималъ, что въ его управленіи казенными крестьянами ничего новаго нѣтъ, да и быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, въ своихъ докладахъ Николаю, онъ неоднократно подчеркивалъ, что всѣ его преобразованія основаны на существующихъ законахъ и измѣненій крестьянскаго быта не предполагаютъ. Онъ только прилагаетъ старанія къ тому, чтобы означить положительно предѣлы правъ и мѣру обязанностей сельскаго сословія «въ томъ пространствѣ, въ какомъ они вошли въ общій Сводъ законовъ Имперіи» — необходимыя дополненія въ духѣ сихъ законовъ допущены исключительно «для связи и полноты». На самомъ дѣлѣ, и въ такихъ предѣлахъ Киселевъ долженъ былъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Враги его разглашали, что его преобразованія ведутъ къ демократіи и что, если надо измѣнить положеніе государственныхъ крестьянъ, то въ обратномъ направленіи: образованіемъ изъ нихъ особаго рода феодальныхъ имѣній, назначенныхъ для высшаго дворянства. Николай такимъ настроеніямъ не сочувствовалъ. Но и предложенія Киселева объ изданіи Грамоты сельскому сословію, опредѣляющей его права и обязанности, на подобіе Грамоты городамъ, осуществить не спѣшилъ. А, когда надо было, вопреки представленіямъ Киселева, переводилъ казенныхъ крестьянъ въ военные поселяне. На указанія послѣдняго, что это противорѣчитъ предложенной Грамотѣ, онъ отвѣчалъ: «вѣдь

я еще имъ грамоты не далъ!» Грамота, въ его царствованіе, дана и не была. Николай не любилъ ограничивать свою волю даже собственнымъ закономъ. — Не вводя ничего новаго и основывая свои преобразованія исключительно на старыхъ законахъ, только приведенныхъ въ порядокъ и систему, Киселевъ не могъ достичь и той цѣли, ради которой начата была вся крестьянская кампанія — смягченія рабства. И, дѣйствительно, своимъ управленіемъ Киселевъ рабства казенныхъ крестьянъ нисколько не смягчилъ — напротивъ, онъ его усугубилъ. Никогда старое безпорядочное московское управленіе, какъ и управленіе имперское 18-го и первой трети 19-го вѣка, мало чѣмъ отъ московскаго отличавшееся, не настигали такъ казенныхъ крестьянъ въ ихъ быту и хозяйственной жизни, какъ это сдѣлало управленіе киселевское. Старое управленіе, выколотивъ изъ крестьянъ подати, оставляло ихъ въ покоѣ. Было много битья, много произвола, но и много свободы. Киселевское управленіе дѣйствовало иначе: оно охраняло крестьянъ отъ насилія, заботилось объ ихъ благополучіи, но не отходило отъ нихъ ни на шагъ. Стало меньше битья, меньше произвола, но меньше и свободы. Рабство было упорядочено, приведено въ систему и, тѣмъ самымъ, усугублено. Такъ и поняли совершившуюся перемѣну казенные крестьяне. При одномъ слухѣ о введеніи новаго управленія, они начинали волноваться, полагая, что ихъ переводятъ въ военные поселяне. Впослѣдствіи, волненія въ ихъ средѣ возобновлялись неоднократно по разнымъ случаямъ: при учрежденіи общественныхъ запашекъ, при принудительномъ разведеніи картофеля и при другихъ попыткахъ вмѣшаться въ ихъ хозяйственную жизнь. Начальство сѣкло крестьянъ и приводило ихъ въ повиновеніе. Крестьяне смирялись, но жаловались, что теперь имъ хуже, чѣмъ при прежнемъ управленіи, и впадали въ уныніе. Киселева они ненавидѣли. «Ярославскій военный губернаторъ (Полторацкій), — записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ 1842 года бар. Корфъ, — сказывалъ мнѣ, разумѣется въ шутку, что помѣщики собираются поставить Киселеву монументъ; съ тѣхъ поръ, что введено новое управленіе казенными крестьянами, положеніе ихъ до того стѣснилось и сдѣлалось невыносимымъ, что многіе изъ помѣщичьихъ далеко предпочитали свое и боятся, какъ огня, обращенія ихъ въ государственные». На самомъ дѣлѣ, конечно, было не такъ: положеніе казенныхъ крестьянъ и при Киселевѣ, было лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ помѣщичьихъ. Но правда и то: разстояніе между ними не увеличилось, а уменьшилось. — Однако, какъ бы то ни было, второй этапъ крестьянской кампаніи

заканчивался блестяще: казенное крестьянство было устроено, его права и обязанности опредѣлены, повинности поставлены на мѣрѣ; въ отдаленномъ будущемъ оно готовилось принять въ свое лоно крестьянъ помѣщичьихъ, не вызывая опасеній анархіи и своевольства. Теперь можно было приступить къ послѣднему этапу крестьянской кампаніи: постепенному переводу помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостного въ свободное состояніе и, съ этой цѣлью, положительному опредѣленію ихъ работъ и повинностей. Что было сдѣлано въ этомъ направленіи?

Третій этапъ крестьянской кампаніи кончился безславнымъ пораженіемъ. Событія происходили такъ. Въ 1839 году, когда устроеніе казенныхъ крестьянъ было продвинуто достаточно, и этимъ созданъ «образецъ для частныхъ владѣльцевъ», Николай учредилъ новый крестьянскій комитетъ — третій по счету. Въ этотъ комитетъ Киселевъ внесъ проектъ преобразованія крѣпостного права, цѣлью котораго было указано постепенное освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Проектъ предварительно былъ представленъ Николаю и имъ одобренъ. Основанія проекта слѣдующія. Нельзя, въ настоящее время, оспаривать великую государственную пользу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и должно даровать учрежденія и гарантіи этимъ милліонамъ людей прежде, чѣмъ они вздумаютъ потребовать ихъ сами. Предоставить это дѣло времени безполезно, ибо въ Россіи безъ руководства правительства ничего не начинается и не дѣлается; если же можетъ разрѣшиться само собой, то только мѣрами насильственными и незаконными. Но, въ то же время, не можно и не должно освобождать сразу 25 милліоновъ людей, неподготовленныхъ къ законной свободѣ. Потому надо избрать средній путь: надо осуществить рядъ послѣдовательныхъ частныхъ мѣръ, сопряженіемъ которыхъ, съ постепеннымъ ходомъ времени и обстоятельствъ, поставленная цѣль — уничтоженіе въ Россіи крѣпостного состоянія — будетъ достигнута нечувствительно и безъ гибельныхъ для государства сотрясеній. Каковы должны быть эти мѣры? Существующая — отпускъ крестьянъ на волю по закону 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ — недѣйствительна и неудобна. Недѣйствительна — ибо для освобожденія по этому закону 25 милліоновъ душъ потребовались бы огромныя суммы, которыхъ ни у крестьянъ, ни у казны нѣтъ. Неудобна — ибо она предполагаетъ передачу крестьянамъ земли помѣщиковъ и тѣмъ уничтожаетъ самостоятельность дворянства, что противно существующему въ Россіи государственному устрой-

ству — монархическому. Другая крайность — освобожденіе крестьянъ безъ земли, что породитъ многомилліонный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія. Потому, и въ этомъ отношеніи, надо предпочесть среднюю мѣру, основанія которой тѣмъ болѣе приличны для Россіи, что, съ одной стороны, онѣ совершенно сообразны съ прежними отношеніями крестьянъ нашихъ къ помѣщикамъ, а, съ другой, не ослабляя значущности достоинія дворянства, согласны и съ существомъ монархическаго строя. Основанія сіи таковы: помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и снабжаютъ ихъ опредѣленной пропорціей земли; взамѣнъ этого они пользуются отъ крестьянъ соразмѣрными повинностями, положительно опредѣленными по каждому имѣнію въ инвентаряхъ («росписяхъ работъ и отношеній»). Исполненіе повинностей обезпечивается содѣйствіемъ правительства и властью помѣщиковъ, которымъ присваивается полицейская и судебная расправа въ маловажныхъ дѣлахъ; если помѣщики отъ права управленія крестьянами отказываются, послѣдніе причисляются къ волостямъ казенныхъ крестьянъ. Уволенные такимъ образомъ крестьяне получаютъ названіе обязанныхъ. Таковы основанія проекта Киселева. Они сводятся къ двумъ положеніямъ: 1) помѣщики остаются собственниками земли, но предоставляютъ ее въ пользованіе крестьянамъ по опредѣленной пропорціи на душу; 2) крестьяне становятся лично свободными, но остаются крѣпкими землѣ и обязанными опредѣленными повинностями помѣщикамъ. Такимъ образомъ, въ проектѣ нѣтъ и рѣчи о полномъ освобожденіи, а только и единственно о «регуляризаціи крѣпостного права». Перемѣна должна состоять въ томъ, что права и обязанности помѣщиковъ и крестьянъ опредѣляются точно и справедливо положительнымъ закономъ, и этимъ намѣчается путь постепеннаго и незамѣтнаго ограниченія крѣпостного права. Въ конечномъ счетѣ этотъ спокойный и неторопливый путь приведетъ къ разумной эмансипаціи. «Мало-по-малу, уменьшая права властвующихъ и распространяя оныя на порабощенныхъ..., — писалъ Киселевъ еще въ запискѣ 1816 г., — правительство постепенно водворитъ законную свободу, и рабство значительной части народа русскаго само собой и безъ потрясенія государства уничтожится». Ту же мысль еще болѣе точно Киселевъ выразилъ въ 1837 г. въ письмѣ къ кн. Долгорукову: «пусть сдѣлаютъ инвентари обязательными для обѣихъ сторонъ, — писалъ онъ о регулированіи правъ и обязанностей помѣщиковъ

и крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. — Пусть установятъ общія основанія для ихъ составленія. Затѣмъ, пусть будутъ учреждены суды для разбора недоразумѣній между владѣльцами и крестьянами, и вы будете имѣть точку отправленія, чтобы распространить болѣе и болѣе гражданскія права на эту массу нашего населенія, поставленную, такъ сказать, внѣ закона. Дѣло будетъ сдѣлано безъ произнесенія слова свобода, и рабство исчезнетъ незамѣтно для самого раба. Вотъ... вся моя мысль». Таковы основанія Плана крестьянской кампаніи, намѣченныя Киселевымъ для ея послѣдняго и рѣшительнаго этапа — въ полномъ соотвѣтствіи съ намѣреніями Николая. — И, тѣмъ не менѣе, даже такой осторожный планъ незамѣтнаго и нечувствительнаго ограниченія крѣпостного права вызвалъ во всѣхъ слояхъ общества необычайное волненіе. Въ народѣ пошла молва, что готовится манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и что для обнародованія его назначается день бракосочетанія Наслѣдника. Крѣпостные говорили: «послѣ вѣнчальнаго обряда Государь станетъ бросать съ дворцоваго балкона билеты, въ которыхъ объявится вольность». Еще болѣе волновались дворяне. Въ Петербургѣ, — разсказываютъ очевидцы, — было любопытное и необычное зрѣлище. Люди встрѣчались съ испуганными лицами и говорили только о разореніи и грабежѣ. Въ Москвѣ помѣщики заявляли, что, если этотъ проектъ пройдетъ, они постараются продать свои имѣнія и «удалятся въ Германію, такъ какъ не желаютъ быть свидѣтелями страшнаго смятенія, которое должно произойти въ Имперіи». Иностранные дипломаты доносили, что Николай питаетъ въ умѣ своемъ обширный проектъ освобожденія крѣпостныхъ; что подобная мѣра направлена къ соціальной революціи, а можетъ привести и къ политической; что главная цѣль Государя — стремленіе разрушить феодализмъ и обосновать на преданности народа силу и прочность монархіи; что онъ предпринимаетъ дѣло, похожее на совершенное во Франціи Людовикомъ XI, а затѣмъ Ришелье, и что, если и не рискуетъ подвергнуться участи Павла I, то все же дерзаетъ на многое. Въ самомъ комитетѣ проектъ Киселева встрѣтилъ упорную оппозицію. Князь Меньшиковъ возражалъ: не надо дѣлать н и ч е г о, предоставляя все времени и силѣ обстоятельствъ; если же освобожденіе крестьянъ необходимо, то для этого есть только одинъ справедливый способъ — употребленный въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ, а именно: освобожденіе крестьянъ безъ земли. Кн. Васильчиковъ желалъ, вмѣсто двухъ крайностей — всего или ничего — найти средній, переходный путь. Прочіе колебались, но во всѣхъ

было мало сочувствія проекту. Киселевъ защищалъ его, но, чувствуя колебанія и самого Николая, сдавалъ позицію за позиціей. 25 февраля 1841 года предсѣдатель Комитета кн. Васильчиковъ объявилъ, что Е. И. В. не имѣетъ намѣренія дать предлагаемому проекту силу обязательнаго закона и потому Е. И. В. благоугодно, чтобы въ основаніе проекта было положено «собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ». Это опредѣлило рѣшеніе Комитета. «Все низведено было, — разсказываетъ бар. Корфъ, — къ самымъ тѣснымъ границамъ. Комитетъ предложилъ, отстранивъ основу проекта — свободу крестьянъ, ограничиться лишь нѣкоторой перемѣной указа 1803 года, т. е. вмѣсто увольненія крестьянъ по сему указу съ землей, предоставить помѣщикамъ — и то по собственной волѣ каждаго — заключать такія условія, при которыхъ помѣщикъ удерживалъ бы полное право вотчинной собственности на всю землю, а крестьяне, подъ названіемъ обязанныхъ, получали участки въ свое пользованіе, за условленныя повинности. Въ указѣ избѣгли не только слова свободы, но и всякаго о ней намека». Въ отвѣтъ на указанія Корфа о ненужности такого указа, кн. Васильчиковъ сказалъ: «необходимо, для пресѣченія слуховъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, что нибудь, въ доказательство, что этимъ однимъ и ограничиваются намѣренія правительства, а потомъ уже рѣшительно прекратить занятіе симъ дѣломъ». 30-го марта 1842 года состоялось торжественное засѣданіе Государственнаго Совѣта, на которомъ присутствовалъ самъ Государь. Въ своей рѣчи онъ сказалъ: — нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Въ настоящую эпоху всякій помыселъ о дарованіи свободы крѣпостнымъ людямъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Однако нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Причины сей перемѣны должно отнести: 1) къ неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ людямъ несвойственное имъ воспитаніе; 2) къ тому, что нѣкоторые помѣщики употребляютъ во зло свою власть. Но, если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры, безъ общаго потрясенія, невозможны, то необходимо, по крайности, открыть путь для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей. Средства къ тому —

въ предложенномъ проектѣ. Онъ не есть законъ новый, а лишь развитіе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; онъ устраняетъ, однако же, *вредное начало помянутаго закона* — отчужденія отъ помѣщиковъ поземельной собственности; онъ, наконецъ, безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, даетъ каждому владѣльцу средство улучшить положеніе его крестьянъ, предоставляя все единственно его волѣ и влеченію собственнаго сердца. Невозможно, разумѣется, ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно: это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства. Между тѣмъ, при постепенномъ и медленномъ развитіи, на различныхъ пунктахъ Имперіи, польза начинанія очевидна. — Въ заключеніе, государь поставилъ на видъ Совѣту, что, благодаря неумѣстнымъ разглашеніямъ со стороны лицъ, обязанныхъ хранить государственную тайну, распространилась преувеличенная молва о семъ дѣлѣ. Если подобныя разглашенія дойдутъ еще до Его свѣдѣнія, то виновные будутъ судимы по строгости закона. — Послѣ рѣчи Государя возникли пренія. Кн. Голицынъ сказалъ: если оставить договора на волю владѣльца, едва ли они кѣмъ нибудь будутъ заключаемы. А потому предложилъ: прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями. На это Государь отвѣтилъ: «я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь». Гр. Киселевъ всталъ только однажды, чтобы сказать коротко: онъ согласился на заключеніе комитета единственно въ той надеждѣ, что это будетъ предисловіемъ къ чему нибудь лучшему впослѣдствіи времени. 2-го апрѣля 1842 г указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ Государемъ. Въ сопровождавшемъ его циркулярѣ губернаторамъ было сказано: настоящій указъ, не содержа въ себѣ существенно ничего новаго, есть одно развитіе Положенія 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Теперь, какъ и прежде, заключать договора съ крестьянами или оставлять ихъ на нынѣшнемъ положеніи, зависитъ совершенно отъ воли и усмотрѣнія самихъ помѣщиковъ. Единственная цѣль настоящаго указа заключается въ томъ, чтобы, и при опредѣленіи повинностей крестьянскихъ таковыми договорами, самыя земли, на коихъ крестьяне водворены, оставались попрежнему полной вотчинной собственностью дворянства. Засимъ, болѣе того, что выражено самими словами указа, не должно въ немъ и подразумѣвать. Е. И. В., повелѣвъ сообщить о всемъ вышеизложенномъ губернаторамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на нихъ обязанность: 1) имѣть бдительный надзоръ, чтобы не были чинимы по слу-

чаю настоящаго указа никакихъ лживыхъ разглашеній насчетъ мнимаго освобожденія крестьянъ; 2) строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ безпрекословномъ повиновеніи законной власти своихъ помѣщиковъ — Такъ кончилось единственное сраженіе всей крестьянской кампаніи. Нерѣшительная атака на крѣпостное право была блистательно отбита. Иностранные дипломаты доносили о происшедшемъ, какъ о «печальной сценѣ комедіи»: Государь отступилъ передъ недовольствомъ дворянства; злосчастная попытка неудавшагося государственнаго переворота явилась, за многіе годы, наиболѣе важнымъ событіемъ русской внутренней политики; «борьба была жаркой, дворянство вышло изъ нея торжествующимъ». И, дѣйствительно, на смерть напуганные слухами объ указѣ, дворяне, ознакомившись съ нимъ, быстро успокоились. Молва объ освобожденіи, вызванная указомъ въ народѣ, также быстро замерла. Самъ указъ остался мертвой буквой. Отпускъ крестьянъ въ обязанные, предоставленный «доброй волѣ и влеченію собственнаго сердца помѣщиковъ», такового влеченія въ ихъ сердцахъ не вызвалъ. Немногія попытки благожелательныхъ дворянъ осуществить указъ обычно ликвидировались начальствомъ. За все царствованіе Николая поступило въ обязанные крестьяне 24 тыс. душъ. Обезкураженный Киселевъ писалъ по этому поводу: «нынѣшній способъ дѣйствія полумѣрами и полутайнамч не можетъ произвести ничего добраго»; «помѣщики не приступятъ ни къ чему безъ принужденія»; законъ 1842 г. не имѣлъ послѣдствій не только по своимъ недостаткамъ, но потому, что исполненіе его затруднено было той самой властью, на которую было возложено его проведеніе въ жизнь. По другому поводу онъ писалъ (въ 1847 г.): «когда представляется общее положеніе, тогда... возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что слѣдуетъ частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а, когда случай къ тому представляется, тогда находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать сужденій столь важныхъ. Подобная теорія ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ».

Опасеніе кровавыхъ событій заставило Николая сдѣлать еще одну попытку возбудить добрую волю помѣщиковъ — на этотъ разъ, личными съ ними объясненіями. На пріемѣ депутаціи смоленскихъ дворянъ 18-го мая 1847 года онъ выразилъ желаніе поговорить съ ними к е л е й н о объ обязанныхъ крестьянахъ. «Въ указѣ Моемъ по этому предмету, — сказалъ Государь, —

Я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская; замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состоянія... не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ болѣе вещью; слѣдственно мое желаніе при обнародованіи извѣстнаго указа было и теперь есть, чтобы дворянство помогло мнѣ въ этомъ дѣлѣ... постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные...; ибо я убѣжденъ, что такой переходъ долженъ предупредить крутой переломъ». По другой версіи, изложенной въ письмѣ В. Бѣлинскаго къ Анненкову, Государь выразился опредѣленнѣе: «земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашей кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью... Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли». Восторженный Бѣлинскій прибавлялъ: «все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она рѣшительна». Но на самомъ дѣлѣ, воля Николая и на этотъ разъ рѣшительной не была. А потому и слова его послѣдствій не имѣли. Встревоженные бесѣдой съ Государемъ смоленскіе дворяне долго совѣщались, собирали мнѣнія, составляли записки. Въ началѣ 1849 года записки эти были представлены Государю ихъ предводителемъ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ. Въ своихъ запискахъ они писали: — дворянство, воспитанное въ духѣ неограниченной любви къ своимъ монархамъ, готово всѣми средствами содѣйствовать намѣреніямъ правительства. Однако, воспользоваться указомъ оно не могло, ибо его примѣненіе грозитъ разореніемъ не только самому дворянству, но и государству, и крестьянамъ. Если крестьяне получатъ свободу и землю, то не они сдѣлаются обязанными, а помѣщики. Въ Россіи рабства нѣтъ, а есть крѣпостное право, огражденное положительнымъ закономъ. Злоупотребленія помѣщичьей властью есть только частность. Они останутся и послѣ освобожденія крестьянъ — измѣнятся только лица: вмѣсто дурного помѣщика будетъ дурной полицейскій чиновникъ, съ тою еще вдобавокъ разницей, что послѣдній не будетъ нисколько дорожитъ благосостояніемъ поселянъ. Границъ стремленія къ свободѣ нѣтъ. На западѣ Европы, гдѣ народы пользовались таковой и еще бо́льшими правами, они не удовольствовались ими и, какъ разрушительный потокъ, ниспровергли гражданское и государственное благоустройство. Развитіе «новой законодательной системы» можетъ повлечь измѣненіе государственное и въ Россіи. — Таковъ былъ отвѣтъ смо-

ленскихъ дворянъ на вызовъ Государя содѣйствовать видамъ правительства: законному устройству крѣпостного состоянія. И, тѣмъ не менѣе, несмотря на такой неудовлетворительный отвѣтъ, кн. Друцкой былъ милостиво принятъ Николаемъ и выслушалъ отъ него благодарность за откровенно высказанное мнѣніе. Обласканный Государемъ онъ считалъ себя чуть ли не спасителемъ отечества, приписывая своимъ запискамъ прекращеніе всякаго движенія крестьянскаго вопроса. По возвращеніи въ Смоленскъ, онъ разсказалъ дворянамъ объ успѣхѣ своей поѣздки и отслужилъ вмѣстѣ съ ними благодарственный молебенъ. Но, на самомъ дѣлѣ, спасли крѣпостное право не смоленскіе дворяне и не ихъ предводитель. Его спасли событія въ Европѣ — революція во Франціи и вспыхнувшія за ней революціи въ сосѣднихъ странахъ. Николай предложилъ дворянамъ «сѣдлать коней» и отправилъ ихъ походомъ въ Европу усмирять бунтовщиковъ. Думать о законномъ устроеніи крѣпостныхъ людей у себя дома было не ко времени. Бѣдный Бѣлинскій писалъ: «дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается». На пріемѣ депутатовъ петербургскаго дворянства (21-го марта 1848 года) Государь обратился къ нимъ съ рѣчью: «въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, я васъ прошу, господа, дѣйствовать единодушно... Подайте между собой руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ, чтобы послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моей главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ... Господа! У меня полиціи нѣтъ, я не люблю ея: вы моя полиція. Каждый изъ васъ мой управляющій... Прошу васъ передать все мною сказанное всему с. п. б. дворянству, къ составу котораго я и жена моя принадлежимъ, какъ здѣшніе помѣщики». Лѣтомъ того же года Киселевъ сказалъ Милютину: «вопросъ о крестьянахъ лопнулъ». Поставленный передъ угрозой революціи Николай, въ качествѣ защитниковъ порядка, выбралъ помѣщиковъ. Дворянское мнѣніе, что «Россія держится своей помѣщичьей организаціей», и что «помѣщикъ есть самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство» (слова Дубельта), восторжествовало. Крестьянскій вопросъ, по существу, былъ похороненъ. Офиціально крестьянская кампанія еще продолжалась. Собирались комитеты, подавались записки. Но не только сраженій, даже партизанскихъ стычекъ больше не было. Единственный актъ, направленный на регулированіе крѣпостного права и относящійся къ этому времени — введеніе инвентарей въ западныхъ губерніяхъ — объясняется политическими соображеніями: борьбой съ поляками. Крестьянское дѣ-

ло, начатое Николаемъ съ такимъ размахомъ и съ такой вѣрой въ успѣхъ, кончалось ничѣмъ и предоставлялось «теченію времени и обстоятельствъ». Потерявшій всякую надежду Киселевъ писалъ въ эти годы объ опасности крестьянскихъ возстаній (3-го января 1852 г.): «предупредить зло было бы, конечно, разумнѣе, чѣмъ дать ему развиться, и сложа руки ожидать его печальныхъ послѣдствій. Такъ думалъ нашъ великій и великодушный государь; но, къ несчастью, онъ встрѣтилъ такія затрудненія, какія было бы, можетъ быть, неосторожно не принять въ соображеніе. Потому всѣ усилія были парализованы.. Рѣшеніе вопроса, столь важнаго для Россіи, осталось въ своемъ первобытномъ положеніи. Государь горячо желалъ этого рѣшенія, но онъ долженъ былъ уступить... Богъ и время рѣшатъ этотъ вопросъ». Богъ и время! Киселевъ зналъ, что въ православной Россійской Имперіи всѣ государственныя дѣла были положены на Бога. Но, согласно догматамъ священной россійской конституціи, Богъ не лично управляетъ земнымъ царствомъ, а черезъ своего помазанника и намѣстника — русскаго Царя. Снимая отвѣтственность за крестьянское дѣло съ Николая, Киселевъ отдавалъ его не на волю Божью, а на волю случая. А время! Киселевъ еще лучше зналъ, что въ самодержавной россійской монархіи, гдѣ Государь — все, время, само по себѣ, не лѣчитъ зла — оно его только усугубляетъ. Полагая дѣло всей своей жизни, которое должно было обезсмертить его имя и дать спокойствіе Россіи, на Бога и время, Киселевъ зналъ, что хоронитъ его. Зналъ это и Николай. А потому переживалъ, какъ личную драму. «По свидѣтельству многихъ лицъ, близкихъ къ Императору Николаю Павловичу, — писалъ впослѣдствіи мин. внутр. дѣлъ Александра II Тимашевъ, — завѣтною его мыслью, во все царствованіе, было раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ землей. Польскій мятежъ 1830 года помѣшалъ обнародованію приготовленнаго уже манифеста. Необходимость быть на стражѣ противъ революціонныхъ движеній, начавшихся съ 1846 года, остановила правительственныя работы. Эти работы снова дѣятельно велись передъ Крымской войной. «Три раза начиналъ я это дѣло, — говорилъ Государь гр. Киселеву въ 1854 году, — и три раза не могъ продолжать видно это перстъ Божій». Умирая, онъ завѣщалъ сыну довершить дѣло, такъ неудачно имъ начатое: освободить крѣпостныхъ людей. «Сдаю тебѣ мою команду, — сказалъ онъ, прощаясь съ наслѣдникомъ, — но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ; оставляю тебѣ много трудовъ и заботъ». Среди заботъ, крестьянское дѣло было главной. Предсмертному завѣ-

шанію Николая Россія и обязана была крестьянскимъ освобожденіемъ. «Имп. Александръ II, — разсказываетъ Тимашевъ, — былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Перемѣна воззрѣній на этотъ предметъ находитъ свое объясненіе лишь въ томъ, что произошло въ послѣднія минуты жизни Николая». Позже Александръ II говорилъ Д. Милютину: «покойный отецъ очень любилъ и уважалъ Павла Дмитріевича (Киселева) и не разъ готовъ былъ приступить къ осуществленію завѣтной мысли его — освободить крестьянъ; но бѣда въ томъ, что большая часть людей, окружавшихъ батюшку, его пугала и обманывала. Впослѣдствіи меня также старались запугать и даже до такой степени, что я два раза почти рѣшался отказаться отъ начатаго.... но Господь спасъ меня».

Такъ печально и безъ славы закончена была крестьянская кампанія, занявшая все царствованіе Николая, задуманная по планамъ величайшаго государственнаго стратега Имперіи — Сперанскаго, осуществлявшаяся великолѣпнымъ административнымъ техникомъ — Киселевымъ и руководимая самимъ Императоромъ. Кампанія не дала результатовъ. Но, по замыслу, она не лишена была величія. Освободить 25 милліоновъ людей отъ власти помѣщиковъ; сохранить за ними землю, оставивъ помѣщикамъ номинальное право собственности и ренту; слить управленіе освобожденныхъ крестьянъ съ управленіемъ крестьянъ государственныхъ; сосредоточить руководство этой многомилліонной арміи въ рукахъ самодержца — отца и покровителя; надѣлить каждаго земледѣльца Имперіи достаточной пропорціей земли — на каждую душу поровну; повторять уравненія, по мѣрѣ возникновенія неравенства; основать силу и прочность государства на незыблемомъ народномъ фундаментѣ — любви и преданности милліоновъ устроенныхъ и благодарныхъ трудовыхъ людей; сохранить дворянское сословіе только какъ служилый классъ — для нуждъ управленія; — таковъ замыселъ Николая, правда до конца имъ не додуманный. Этотъ замыселъ былъ устремленъ не впередъ, въ Европу, а назадъ, въ Москву — согласно общему пониманію судебъ Россіи Николаемъ. Но онъ не далекъ былъ отъ народныхъ чаяній не только московскихъ черныхъ людей, но и имперскихъ «бунтовщиковъ и мятежниковъ»: быть вѣрноподданными рабами собственной императорской короны, не быть господскими, а быть государевыми — чтобъ все была «государщина», при самодержавномъ и неограниченномъ православномъ Царѣ и царскихъ начальникахъ, служащихъ не съ крестьянъ, а на жалованіи. — Былъ ли этотъ замыселъ осуществимъ въ жизни? Далъ ли бы онъ спокойствіе

Россіи? — Всѣ историческія указанія оправдываютъ благопріятныя предположенія. Народъ обожалъ Монарха и не посягалъ на его самодержавную диктатуру. Дворянство народъ ненавидѣлъ и терпѣлъ, только повинуясь самодержавной волѣ. Кто могъ помѣшать союзу Царя съ народомъ? Что могло сдѣлать дворянство, лишенное царской опоры? Интеллигентскій Орденъ вліянія въ народѣ еще не имѣлъ. И что болѣе важно: союзу Царя съ народомъ Орденъ въ ту пору не былъ враждебенъ. Далъ ли бы такой союзъ спокойствіе Россіи? — Можно съ увѣренностью предполагать, что, если не навсегда, то надолго. И, во всякомъ случаѣ, когда исполнились бы времена, разрывъ не кончился бы такъ трагично. Къ несчастью для Россіи, Николай не былъ въ ростъ поставленной задачѣ. И не столько потому, что не осознавалъ до конца намѣченнаго пути, сколько потому, что, несмотря на видимость, былъ слабъ и нерѣшителенъ. Россіи нуженъ былъ второй Петръ — съ орлинымъ взоромъ и стальной волей. А Николай шелъ отъ случая къ случаю и отступалъ передъ препятствіями. Грандіозную перестройку всего государственнаго фундамента онъ хотѣлъ произвести «тихо», «осторожно», «мало-по-малу», «не разомъ» и «не теперь». Онъ хотѣлъ освободить крестьянъ отъ рабства помѣщикамъ, но такъ, чтобы они не замѣтили этого. Дворянъ онъ хотѣлъ лишить рабовъ и земли, но такъ, чтобы они не пострадали отъ перемѣны и «избѣгая при этомъ всего, что могло бы имѣть видъ прикосновенія къ правамъ собственности». Напрасно преданные слуги говорили ему, что такая тактика невозможна, что надо дѣйствовать рѣшительно, что «всякія полумѣры безполезны и даже вредны» (Левашевъ), что «причины взрыва не уничтожаются нерѣшительностью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе» (Бенкендорфъ). Николай вѣрилъ въ самодержавный разумъ и не любилъ совѣтовъ. Что же удивительнаго, если кампанія, начатая при такихъ благопріятныхъ условіяхъ—мощи Россіи извнѣ, спокойствіи изнутри, безропотному повиновенію народа монарху — кончилась такъ печально. И что еще печальнѣе: крѣпостное зло, не сдерживаемое никакими преградами, въ царствованіе Николая, не ослабло, а стало еще непереноснѣе. «Масса крѣпостного сословія, — писалъ въ 1853 году Самаринъ — движется послѣдовательно не снизу вверхъ, по лѣстницѣ, ведущей отъ рабства къ свободѣ, а сверху внизъ». Въ серединѣ 19 вѣка, въ центральныхъ губерніяхъ самой могущественной европейской державы, помѣщики продавали своихъ крестьянъ на вывозъ въ окраины — Новороссію, Донъ, Кав-

казъ. А грузинскіе и армянскіе дворяне перепродавали купленныхъ крестьянъ въ Закавказскій край, гдѣ они и переходили изъ рукъ въ руки, наравнѣ съ азіатскими невольниками. «Россія представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми», — писалъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю. «Тяжело думать, — писалъ въ 1847 году кн. Воронцовъ гр. Киселеву, — что, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и гораздо ранѣе освобожденія негровъ въ англійскихъ колоніяхъ, это несчастное племя было гораздо лучше защищаемо закономъ, нежели теперь наши крестьяне въ Россіи». Царствованіе Николая — не только вершина имперскаго самодержавія, но и вершина крѣпостного рабства.

Ученые 19 вѣка не признавали роли личности въ исторіи. Исторія движется массами, классами и развитіемъ матеріальной среды. Утверждая это, они только описывали состояніе западной Европы ихъ времени. Но въ Россіи первой половины 19 вѣка массы и классы безропотно повиновались власти и, сами по себѣ, движенія не имѣли. Матеріальная среда почти не развивалась и, если мѣнялась, то подъ дѣйствіемъ той же власти. Власть же была сосредоточена въ рукахъ самодержца. Такимъ образомъ, воля самодержца опредѣляла въ Россіи первой половины 19 вѣка движеніе всей страны. Надо было увидѣть своими глазами современныя диктатуры, чтобы понять до конца строеніе такого общественнаго механизма въ нашемъ прошломъ. Отсюда, иное пониманіе исторіи Россіи въ царствованія Александра I и Николая. И Александръ I, и Николай — абсолютные самодержцы, воля которыхъ, въ ихъ царствованія, опредѣляла всю жизнь Россіи. Встрѣтивъ фрейлину Тютчеву съ книгой, Николай спросилъ ее, что она читаетъ. «Исторію Вашего царствованія, Ваше Величество», — отвѣтила Тютчева. «Она вся передъ Вами, сударыня, къ Вашимъ услугамъ», — сказалъ Николай съ полупоклономъ. И въ этомъ не было преувеличенія и, для того времени, могло не быть бѣды. Бѣда была въ томъ, что личности и Николая, и Александра не соотвѣтствовали занимаемымъ ими постамъ и поставленнымъ передъ ними задачамъ. Это и объясняетъ многое. Передъ Россіей были открыты два пути. На одинъ вступилъ Петръ Великій. Этотъ путь велъ съ кручъ священной восточной теократіи въ плодоносныя долины западнаго правового государства. Петръ началъ съ самодержавной диктатуры, которую онъ унаслѣдовалъ отъ Московскаго царства. Но онъ понималъ, что, въ конечномъ счетѣ, путь, которымъ онъ шелъ, приведетъ къ свободѣ и народоправству. И это не было ему противно. «Петръ I — одновременно

Робеспьеръ и Наполеонъ (воплощенная революція)», — писалъ Пушкинъ. «Петръ I не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія», — писалъ онъ же. И, дѣйствительно: Петръ любилъ «встрѣчу», человѣческое лицо и вольное слово». «Весело слушать, — сказалъ онъ, побывавъ въ англійскомъ парламентѣ, — когда подданные открыто говорятъ своему Государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ». Петръ и учился у англичанъ, твердо зная, что, когда придетъ время, Государь отдастъ народу или голову или власть. Александръ хотѣлъ довершить путь Петра. Плоды западной гражданской культуры казались ему такъ же, какъ Петру, сладкими. «Какъ счастлива страна, — сказалъ онъ о той же Англіи, — гдѣ уважаются права каждой личности и гдѣ они неприкосновенны». Вотъ почему, всѣ дни своей жизни онъ готовилъ Россіи самую совершенную конституцію въ мірѣ и мечталъ о вольности, которая дастъ его народу счастье. Это и было подлиннымъ содержаніемъ его жизни, тайнымъ замысломъ его царствованія, который онъ, какъ всѣ самодержцы и диктаторы, тщательно скрывалъ за внѣшнимъ фасадомъ принятаго обихода. Не будь опубликованы протоколы Тайнаго Комитета и бумаги Сперанскаго, не многіе догадались бы объ этой сторонѣ его правленія. За конституціей и вольностью должно было послѣдовать крестьянское освобожденіе. Пройдя западные институты, оно, несомнѣнно, приняло бы и западныя формы: собственности на землю, земельнаго неравенства, сельскаго пролетаріата. Но, несмотря на связанныя съ этимъ трудности, можно съ большой долей вѣроятія предположить, что, если бы Александръ прошелъ намѣченный имъ путь до конца, Россія вышла бы на ровную дорогу. Къ несчастью, этого не случилось. И не столько потому, что Александръ усомнился въ правильности избраннаго имъ пути. Сколько потому, что у него не хватило силъ преодолѣть встрѣченныя имъ препятствія: сопротивленіе среды и собственное самовластіе. Путь Петра былъ брошенъ. Александръ оставилъ Россію на крутомъ склонѣ. — Николай взялъ путь противоположный петровскому: не на спускъ въ Европу, а обратный — въ Москву. Западная культура Николаю не была противна. Но плоды европейской гражданственности казались ему ядовитыми и для Россіи смертельными. Надо было возвращаться назадъ, на высоты московскаго служилаго государства. Однако, идя назадъ, Николай хотѣлъ выравнять государственный фундаментъ: уничтожить власть одного сословія — дворянскаго — надъ другимъ — крестьянскимъ; обезпечить крестьянское сословіе землей; сосредоточить власть надъ

всѣми сословіями непосредственно въ своихъ рукахъ. И этотъ путь, пройденный до конца, могъ дать Россіи спокойствіе. Но и этотъ путь былъ брошенъ въ самомъ началѣ. Оставалось крѣпить Россію на тѣхъ устояхъ, которые были завѣщаны предшественниками. Этому Николай и посвятилъ свое царствованіе.

И. Бунаковъ.